

«Нравственные императивы в праве»

2009
№ 4(6)

Научный юридический журнал (г. Москва)

Учредитель

РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права»

Ответственный редактор

Понкин И.В., доктор юридических наук

Технический редактор

Квитковская Т.А.

Редакционный совет:

Кузнецов М.Н., доктор юридических наук, профессор,

Понкин И.В., доктор юридических наук, директор Института государственно-конфессиональных отношений и права,

Емелина Л.А., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета им. М.М. Сперанского Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, доцент.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Нравственные императивы в праве» обязательна.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

Редакция присланные рукописи не рецензирует и не возвращает, в переписку не вступает.

Контактный адрес электронной почты технической службы: pravo-zaschita@mail.ru

Контактный почтовый адрес технической службы:

249101, Калужская обл., г. Таруса, ул. Горького, 17-6

Содержание номера

<i>Слесарева К.А.</i> Решения Европейского Суда по правам человека: судебный прецедент или акт толкования права?	3
<i>Догадайло Е.Ю.</i> К вопросу о существовании «правового времени»	14
<i>Соловьев А.А.</i> История развития и кодификации законодательства Французской Республики о спортивной и физкультурной деятельности	18
<i>Кулиев П.Р., Понкин И.В.</i> О проекте «Концепции предметной области “Духовно-нравственная культура России”, включенной в инвариантную часть базисного учебного плана общеобразовательной школы в экспериментальном режиме на период 2010–2011 гг. (4 четверть 4 кл. – 1 четверть 5 кл.)»	34
<i>Понкин И.В.</i> О ситуации, связанной с исполнением решения Президента Российской Федерации Д.А. Медведева о введении изучения в школах основ религиозной культуры	54
<i>Берзин В.А.</i> Анализ проекта федерального закона «Технический регламент на винодельческую продукцию» с точки зрения обеспечения интересов российского виноделия	68
<i>Субочева В.А.</i> К вопросу о взаимодействии государства и гражданского общества	72
<i>Мелехова Г.Н.</i> Изучение русской культуры: некоторые проблемы	76
<i>Краснова И.А.</i> Пруденциальный метод в государственном регулировании сферы страхования	91
<i>Хашем Т.А.</i> Права человека на стадии предварительного расследования как объект прокурорского надзора	95

Слесарева К.А. Решения Европейского Суда по правам человека: судебный прецедент или акт толкования права? ¹

Со вступлением России в Совет Европы особо актуальной стала задача соблюдения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также ориентация на практику Европейского Суда по правам человека. В настоящее время особенного внимания заслуживает проблема определения места решений международных судебных органов, в частности решений Европейского Суда по правам человека, в правовой системе России.

Важность решений Европейского Суда по правам человека не вызывает сомнения. Тем не менее, возникает вопрос об обязательности решений Европейского Суда по правам человека.

Ряд авторов высказывает мнение, что обязательность решений Европейского Суда по правам человека следует из статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»: «Российская Федерация в соответствии со статьей 46 Конвенции признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации».²

Считаем, что данный вывод является спорным. Из указанных положений Федерального закона прямо не следует обязательность всех решений Европейского Суда по правам человека и вместе с тем не предоставляется возможность ссылаться на эти решения, в том числе судам Российской Федерации.

¹ **Слесарева Кристина Андреевна** – аспирант Российской академии правосудия. Статья посвящена вопросам обязательности решений Европейского Суда по правам человека, а также определению их места в правовой системе России. Автор обосновывает отсутствие прецедентного характера решений Европейского Суда по правам человека и делает вывод о том, что эти решения относятся к актам толкования права.

Ключевые слова: судебный прецедент, Европейский Суд по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации, акт толкования права, судебная практика, правовые позиции, прецедентная практика.

² *Анишина В.И.* «Принципы международного права и судебная власть в Российской Федерации» // *Международно-правовые стандарты в конституционном праве*: Сб. науч. тр. Ч. 1 / РАП; ИНИОН РАН; Отв. ред. И.А. Конюхова. – М., 2006. – С. 267; *Зимненко Б.Л.* О применении норм международного права судами общей юрисдикции: Справочное пособие. – М.: Статут; РАП, 2005. – С. 86.

Статья 1 прямо свидетельствует лишь, во-первых, о предоставлении гражданам Российской Федерации возможности подавать жалобы в Европейский Суд по правам человека и обязательстве Российской Федерации выполнять решения суда, вынесенные после рассмотрения именно этих жалоб. Во-вторых, для Российской Федерации обязательный характер будет иметь только то толкование Конвенции, которое дано Европейским Судом по правам человека в решениях, где стороной является Российская Федерация.

Если следовать букве закона, толкование Конвенции Европейским Судом по правам человека для Российской Федерации необязательно, если Российская Федерация не представлена в качестве стороны, и в решениях, вынесенных до 5 мая 1998 г., дня, когда Конвенция вступила в силу для Российской Федерации.

Таким образом, исходя из законодательства Российской Федерации, говорить об обязательности всех решений Европейского Суда по правам человека не представляется правильным. Анализ статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» свидетельствует о признании обязательности для Российской Федерации лишь части из всего массива решений, принятых Европейским Судом. В этой связи стоит обратить внимание на практику Конституционного Суда Российской Федерации. В своем Постановлении №2-П от 5 февраля 2007 г. Конституционный Суд Российской Федерации указал: «Как и Конвенция о защите прав человека и основных свобод, решения Европейского Суда по правам человека – в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, включая право на доступ к суду и справедливое правосудие, – являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права».³

В свою очередь решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления,

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 г. № 2-П по делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского Процессуального Кодекса Российской Федерации в связи с запросом кабинета министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2007. – № 3. – Ст. 2145.

предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений.⁴

Таким образом, именно Конституционный Суд Российской Федерации, а не законодатель указывает на обязательность решений Европейского Суда по правам человека для всех органов государственной власти Российской Федерации, что позволяет судьям официально ссылаться на правовые позиции Европейского Суда по правам человека при вынесении судебных актов.

Следующий не менее важный вопрос, связанный с решениями Европейского Суда по правам человека, – это определение их юридической силы.

По мнению П.А. Гука, в российской правовой системе на протяжении длительного времени существовал и развивался судебный прецедент. В своей монографии «Судебный прецедент как источник права» П.А. Гук отмечает, что суд играл особую роль в становлении российского права. Во время княжеского правления на Руси вся власть, в том числе и судебная, была сосредоточена в руках князя. Князь при рассмотрении спора в силу отсутствия или несоответствия жизненной ситуации норм обычного права создавал прецедент. Судебная практика наряду с обычным правом постепенно закреплялась в таких правовых актах, как Русская Правда, Судебник 1497 г., Соборное Уложение 1649 г. Особо подчеркивается роль Сената, как органа, который давал обязательное для применения толкование тех или иных положений законов. Отмечается также, что судебная практика Сената имеет значение именно источника права, занимающего, однако, второе место после законов.⁵

Не умаляя роль судебных органов, тем не менее, представляются спорными доводы о том, что еще во времена княжеской Руси утвердился судебный прецедент. Стоит особо обратить внимание на то, что отдельные княжеские судебные решения, хоть и закреплялись в письменной форме, тем не менее, вид им придавали именно нормативно-правового акта – закона. В то время как в Англии (родине судебного прецедента) официальное письменное закрепление имели сами решения. Таким образом, можно сделать вывод, что хоть судебная практика всегда играла важную роль в российской правовой системе, тем не менее, исторически первое место в российской правовой системе отводилось именно закону. Даже при вынесении судебных решений, которые восполняли пробелы, их старались закрепить в виде законов, а не судебных отчетов, как в Англии.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 13. – Ст. 1447; 2007. – № 7. – Ст. 829.

⁵ См.: Гук П.А. Судебный прецедент как источник права. – Пенза, 2003. – С. 4–41.

В советский период судебный прецедент не признавался и активно критиковался учеными-юристами.⁶

В настоящее время наблюдается некая эйфория в отношении решений Европейского Суда по правам человека. При этом, как правило, не делается никаких оговорок, предметно не рассматривается соотношение решений Европейского Суда с другими источниками права в англо-саксонской и романо-германской правовых системах, не раскрываются специфические особенности применения решений Европейского Суда в практике национальных судов.⁷

Следует согласиться с профессором Н.В. Витруком и обратиться сначала к определению понятия судебного прецедента. Необходимость обращения к вопросу о понятии судебного прецедента обусловлена тем, что без его выяснения невозможно установить характерные признаки прецедента и определить их наличие в отношении решений Европейского Суда по правам человека.

Профессор В.Д. Перевалов высказал мнение, что сущность судебного прецедента заключается в придании нормативного характера решению суда высокой инстанции для всех нижестоящих судов по конкретному делу. Обязательным для всех нижестоящих судов является не все решение или приговор, а только «сердцевина» дела, суть правовой позиции суда.⁸ Е.Н. Трубецкой указывал, что решение отдельного казуса устанавливает прецедент, т.е. общую правовую норму для всех аналогичных случаев. Таким образом, суд не только применяет закон, но и создает новые нормы права в дополнение к нему.⁹

Выдающийся английский юрист Руперт Кросс отмечал, что прецедент во всех отношениях сводится к *ratio decidendi*.¹⁰ Когда говорят, что суд обязан следовать прецеденту или что он связан решением, имеют в виду обязанность судьи применять конкретное *ratio decidendi* к фактам рассматриваемого им дела при отсутствии юридически логического различия между данными фактами и фактами, к которым применялось *ratio decidendi* в предыдущем деле.¹¹

⁶ См.: Конюхова И.А. Международное и конституционное право: теория и практика взаимодействия. – М.: Формула права, 2006. – С. 272; Гук П.А. Указ. соч. – С. 56.

⁷ Витрук Н.В. Верность Конституции. – М.: Изд-во РАП, 2008. – С. 88.

⁸ Теория государства и права: Уч. / Отв. ред. В.Д. Перевалов. – М.: НОРМА, 2008. – С. 171.

⁹ Лекции по энциклопедии права / Е.Н. Трубецкой, проф. Моск. ун-та. – М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1909. – С. 24.

¹⁰ Кросс Р. Прецедент в английском праве / Под общ. ред. Ф.М. Решетникова – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 97.

¹¹ Там же. – С. 112.

Роналд Уолкер приходит к следующим заключениям: действие доктрины судебного прецедента зависит от иерархии судов. Все суды находятся в определенных отношениях друг к другу. Суд связан решением вышестоящего по иерархии суда и, как правило, решением суда равной юрисдикции.¹²

Исходя из определений понятия судебного прецедента, можно выделить четыре его основных признака. 1). Судебный прецедент создает новые нормы права. 2). Он обязателен для нижестоящих и равных по юрисдикции судов. 3). Судебный прецедент подлежит официальному опубликованию. 4). В качестве самого главного признака стоит отметить, что невозможно прийти к решению, минуя прецедент.

Обратимся к первому признаку прецедента – созданию новых норм права. Европейский Суд по правам человека не создаёт, а применяет нормы, то есть занимается правоприменительной деятельностью, а не правотворческой. Статья 32 Конвенции о защите прав человека и основных свобод определяет компетенцию суда следующим образом: в ведении Суда находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней.¹³ Те же положения относительно толкования и применения Конвенции и Протоколов отражены в Федеральном законе «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней». О Европейском Суде по правам человека как об органе, толкующем Конвенцию, а не создающем новые нормы, говорит и Конституционный Суд Российской Федерации в уже упомянутом выше Постановлении от 5 февраля 2007 г. № 2-П.

То, что прецедент создает новую правовую норму, отмечал Руперт Кросс. Рассматривая конкретное дело, суд выносит приговор или решение: этот судебный документ является, с одной стороны, императивным актом для участников конкретного судебного дела, а с другой стороны, как частный случай применения права, он сам по себе порождает общую норму – становится прецедентом.¹⁴ В этом смысле считать решения Европейского Суда по правам человека прецедентами нельзя.

Следующий признак судебного прецедента – это обязательность для нижестоящих и равных по юрисдикции судов.

Европейский Суд по правам человека не входит в систему судов Российской Федерации. В силу своей правовой природы он не является вышестоящей судебной инстанцией по отношению к судам Российской Федерации и соответственно не может рассматриваться в

¹² Уолкер Р. Английская судебная система. – М.: Юрид. лит., 1980. – С. 157.

¹³ Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

¹⁴ Кросс Р. Указ соч. – С. 8.

качестве апелляционной, кассационной, надзорной инстанции. Исходя из этого, нельзя также признать и юрисдикционное равенство Европейского Суда по правам человека и судов Российской Федерации.

Следует также обратить особое внимание на то, что в качестве обязательного признака прецедента выделяют необходимость его официального опубликования.¹⁵

Так, в Англии значение прецедентного права стало очевидным еще с изданием Ежегодников, в XVIII веке появляются признаки того, что эта система делается более жесткой. Правила же применения прецедентов могли быть приведены в действие лишь после того, как публикация судебных отчетов достигла современного высокого уровня. Уровень публикации судебных отчетов стал достаточно высоким уже в начале XIX века.¹⁶

В Российской Федерации решения Европейского Суда по правам человека не подлежат опубликованию в официальных сборниках. Существуют сборники постановлений Европейского Суда по правам человека, но они включают в себя далеко не все решения Суда и не носят характер официальных.

В этой связи, как отмечают ученые, выявляется проблема доступности решений Европейского Суда по правам человека и содержащихся в них правовых позиций, связанная с возможностью поиска, перевода в необходимых случаях и осмысления их содержания.¹⁷

Действительно, определенные трудности могут возникнуть уже на первых этапах, когда необходимо найти именно то решение Европейского Суда по правам человека, которое с учетом всех обстоятельств может быть применено в конкретном случае. Следующая проблема при изучении массива решений Европейского Суда по правам человека – это необходимость правильного перевода, который помог бы с максимальной точностью выявить правовые позиции Европейского Суда.

Дела, рассмотренные Европейским Судом по правам человека, являются индивидуальными с точки зрения фактических обстоятельств дела, их правовой квалификации с позиции национального права, что, по существу, исключает автоматическое использование решения Суда по конкретному делу в координатах других национально-правовых систем.¹⁸

Анализ практики Конституционного Суда Российской Федерации и особых мнений судей Конституционного Суда

¹⁵ Гук П.А. Указ. соч. – С. 59.

¹⁶ Кросс Р. Указ соч. – С. 42.

¹⁷ Витрук Н.В. Верность Конституции. – С. 90.

¹⁸ Витрук Н.В. Верность Конституции. – С. 92.

Российской Федерации показывает, что в последних поднимался вопрос о корректности использования Конституционным Судом Российской Федерации правовых позиций Европейского Суда по правам человека¹⁹.

Поэтому с уверенностью можно сказать, что проблема доступности решений Европейского Суда по правам человека и как ее прямое следствие проблема правильного понимания его правовых позиций сегодня объективно существуют и необходимость их решения представляется очевидной даже в независимости от признания или непризнания решений Европейского Суда по правам человека в качестве прецедентов.

Последний выделенный выше признак судебного прецедента – это невозможность прийти к решению, минуя прецедент. В судебной практике, в частности в практике Конституционного Суда Российской Федерации, решения Европейского Суда по правам человека используются в качестве дополнительной аргументации, на что обращают внимание ряд ученых.²⁰

Этот факт приобретает важное значение, особенно если еще раз обратиться к определению прецедента в странах принадлежащих к семье общего права.

Одна из наиболее полных формулировок, говорящих о значении *ratio decidendi*, была дана в деле «Pretoria City Council v. Levison». По этому вопросу апелляционный судья Шрейнер сказал: «В соответствии с тем, как я понимаю сложившийся обычай, если речь идет об отдельно взятом судебном решении, его мотивы, надлежаще интерпретированные, должны образовать *ratio decidendi*, создающее впервые или соблюдающее уже существующую судебную

¹⁹ Особое мнение судьи Конституционного суда Российской Федерации Н.С. Бондаря по делу о проверке конституционности положений п. 5 ст. 48 и ст. 58 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», а также п. 7 ст. 63 и ст. 66 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2006. – №1; Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А.Л. Кононова по делу о проверке конституционности ряда положений ст. 48, 51, 52, 54, 58 и 59 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом Государственной Думы Астраханской области // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2006. – № 4.

²⁰ Бондарь Н.С. Европейские стандарты по правам человека в решениях Конституционного Суда Российской Федерации и их реализация в законодательстве Российской Федерации // Общеизвестные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: Материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 2002 года) / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и А.В. Сычевой. – М.: Международные отношения, 2004. – С. 214.

норму при условии, что а) они для самого решения не имеют значения субсидиарных доводов в поддержку основного принципа или принципов, б) они не просто – ход рассуждений по поводу фактов дела и в) они были необходимы для решения, но не в том смысле, что к нему нельзя было прийти другим путем, а в том, что этот путь для данного решения был неизбежен, и если бы не эти доводы, оно было бы другим».²¹

Таким образом, учитывая все вышесказанное и обращая особое внимание на то понимание судебного прецедента, которое сложилось в странах общего права, говорить о том, что решения Европейского Суда по правам человека носят прецедентный характер, не представляется возможным. Было бы неправильным сводить суть доктрины прецедента только к признанию особой роли решений вышестоящих судов. Соответствие решений вышестоящих судебных органов, а в нашем случае – именно решений Европейского Суда по правам человека, определенным критериям является отличительным признаком судебного прецедента. Общеизвестным признаком судебного прецедента, которые обозначены выше, в частности самому основному (судебный акт как нормотворческий акт, а не правоприменительный), решения Европейского Суда по правам человека объективно не соответствуют.

Однако отрицание решений Европейского Суда по правам человека как судебных прецедентов вовсе не умаляет их роль. Необходимость учитывать мнение Европейского Суда по правам человека неоспорима. Во-первых, Европейский Суд по правам человека наполняет содержанием общеизвестные принципы и стандарты. Во-вторых, Европейский Суд по правам человека имеет право официального толкования Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, он рассматривает жалобы, раскрывает содержание статей Конвенции, чем способствует правильному ее пониманию и применению. Исходя из этого, решения Европейского Суда по правам человека носят не прецедентный характер, а являются актами толкования.

В правовой системе РФ решения Европейского Суда по правам человека должны занять место наравне с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод в той степени, в какой они толкуют положения ее статей.

Интересно, однако, отметить, что, эта, казалось бы, чисто теоретическая проблема определения места решений Европейского Суда по правам человека в правовой системе Российской Федерации находит свое отражение и в практике Конституционного Суда Российской Федерации.

²¹ Кросс Р. Указ. соч. – С. 57.

Ранее Конституционный Суд Российской Федерации, в целях подкрепления своей аргументации ссылался в мотивировочной части на решения Европейского Суда по правам человека и говорил о «правовых позициях Европейского Суда по правам человека»²², «практике Европейского Суда по правам человека».²³

В последнее время все чаще как в Определениях, так и в Постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации можно встретить словосочетание «прецедентная практика Европейского Суда по правам человека».²⁴ Так, например, при

²² См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2006 г. № 414-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Лукьяненко Дарьи Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР» // СПС «Консультант Плюс»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2006 г. № 511-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Дроздова Василия Алексеевича и Королевой Анны Михайловны на нарушение их конституционных прав подпунктами 1 и 2 пункта 3 статьи 3, пунктом 1 статьи 9 и статьей 16 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», пунктами 1 и 2 статьи 30 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», частью первой статьи 112 и частью второй статьи 376 ГПК Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2000 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой компании «Timber Holdings International Limited» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 21. – Ст. 2258.

²³ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2000 г. № 85-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Алексева Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав статьей 324 Гражданского процессуального кодекса РСФСР» // СПС «Консультант Плюс»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 января 2001 г. № 40-О «По жалобе гражданина Жермаля Николая Эдуардовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 320 и 323 Гражданского процессуального кодекса РСФСР и статей 371 и 372 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // СПС «Консультант Плюс».

²⁴ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июня 2007 г. № 455-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жидова Семена Павловича на нарушение его конституционных прав статьями 381 и 383 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 февраля 2007 г. № 325-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Лесной Лидии Николаевны, Стригуна Станислава Владимировича, Чичерина Виктора Петровича и общества с ограниченной ответственностью «Афина-Бизнес» на нарушение конституционных прав и свобод частью второй статьи 20 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2007 г. № 797-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кара-Мурзы Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав положением пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на

рассмотрении жалоб ЗАО «СЕБ Русский Лизинг», ООО «Нефте-Стандарт» и ООО «Научно-производственное предприятие «Нефте-Стандарт»²⁵ Конституционный Суд Российской Федерации указал: «Введение предварительной процедуры рассмотрения надзорных жалоб (представлений), на которую не распространяются некоторые обязательные для иных судебных процедур процессуальные правила – об извещении и вызове сторон, о проведении судебного заседания и др., обусловлено целью обеспечить баланс публичного и частного интересов, не допустить превращение суда надзорной инстанции в обычную (ординарную) судебную инстанцию и исключить явно необоснованные обращения, что корреспондирует прецедентной практике Европейского Суда по правам человека, признающего возможность ограничения права на доступ к суду, в частности в связи с определением приемлемости жалобы».

Представляется необходимым уяснить, какой смысл вкладывает Конституционный Суд Российской Федерации в понятие «прецедент» применительно к Европейскому Суду по правам человека, а также выявить значение понятия «правовая позиция».

Учитывая компетенцию Европейского Суда по правам человека, можно провести аналогии в отношении определения понятия «правовые позиции Европейского Суда по правам человека» с понятием «правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации». Так, под правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации понимается правовой вывод, являющийся результатом толкования Конституционным Судом Российской Федерации Конституции Российской Федерации и конституционного смысла иных нормативно-правовых актов, который служит юридическим основанием решений Конституционного Суда и носит обязательный и устойчивый характер.²⁶ Таким образом, правовой позицией Европейского Суда по правам человека является правовой вывод, являющийся результатом толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 52. – Ст. 6533.

²⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2008 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений статей 9 и 10 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и статей 181, 188, 195, 273, 290, 293 и 299 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «СЕБ Русский Лизинг», общества с ограниченной ответственностью «Нефте-Стандарт» и общества с ограниченной ответственностью «Научно-производственное предприятие «Нефте-Стандарт» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 4. – Ст. 300.

²⁶ *Кряжкова О.Н.* Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: теоретические основы и практика реализации судами России. – М.: Формула права, 2006. – С. 39.

Кроме того, как мы уже выяснили, понятие «прецедент» включает в себя следующие обязательные признаки: создает новые нормы права, обязателен для нижестоящих и равных по юрисдикции судов, подлежит официальному опубликованию, невозможность прийти к решению минуя прецедент. Необходимо также учитывать, что наряду с «прецедентной практикой Европейского Суда по правам человека», Конституционный Суд Российской Федерации, как уже сказано выше, продолжает употреблять выражения «правовые позиции Европейского Суда по правам человека» и «практика Европейского Суда по правам человека». Поэтому можно сделать вывод, что Конституционный Суд Российской Федерации в какой-то мере отождествляет эти понятия и говорит именно о толковании Европейским Судом по правам человека Конвенции.

Таким образом, решения Европейского Суда по правам человека, как показывает практика их применения, действительно играют значимую роль. Часто именно решения Европейского Суда по правам человека помогают правильно уяснить смысл статьи Конвенции.

Несмотря на то, что в литературе по поводу использования решений Европейского Суда по правам человека часто можно встретить определенного рода опасения относительно применения в определенных случаях этих решений, отказаться от сложившейся практики нельзя. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека наиболее полно раскрывают содержание Конвенции о защите прав человека и основных свобод, отражают глубинный смысл ее положений. Без обращения к решениям Европейского Суда по правам человека понимание Конвенции о защите прав человека и основных свобод было бы неполным. В то же время использование правовых позиций Европейского Суда по правам человека «вслепую», без соотнесения их с внутригосударственными правовыми особенностями, недопустимо.

* * *

Догадайло Е.Ю. К вопросу о существовании «правового времени»²⁷

В российской правовой науке проблема соотношения и взаимодействия времени и права, как правило, рассматривалась только при анализе действия во времени норм права (при этом большое внимание традиционно уделялось анализу обратной силы закона). Поскольку взаимосвязь времени и права практически не подвергались теоретико-правовому обобщению (хотя отдельные формы проявления времени анализировались в единичных работах), современные теоретико-правовые и отраслевые исследования представляют разные по методологии и назначению подходы к пониманию взаимосвязи времени и права.

Для одних – время представляется фактором нормативного регулирования и «нет такой области правового регулирования общественных отношений, где фактор времени не играл бы существенной, а во многих случаях определяющей роли»²⁸. Поэтому делается вывод, что законодатель использует фактор времени так же, как фактор пространства.

Другие авторы, на основе вывода о том, что пространство и время как формы существования движущейся материи не обладают различными качественными свойствами, эти свойства «присущи самим системам явлений в зависимости от того, в какой области объективной действительности они сформировались»²⁹, формулируют представление о том, что правовая действительность, как особая область социальной жизни общества, развивается и действует в рамках социального пространства-времени и «правовое пространство-время – часть социального пространства-времени, где осуществляется нормативно-правовое воздействие на общественные отношения»³⁰.

²⁷ **Догадайло Екатерина Юрьевна** – кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой государственного строительства и права Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент.

В статье рассматривается возможность существования правового времени как самостоятельной формы времени, анализируются философско-правовые предпосылки проявления в правовой системе свойств различных форм времени – социального, календарного, исторического, личного.

Ключевые слова: право и время, правовое время, формы времени.

²⁸ *Залесский В.В.* Фактор времени в гражданских правоотношениях // Журнал российского права. – 2006. – № 9. – С. 115.

²⁹ *Мельников М.Г.* Действие уголовного закона во времени и пространстве: Дис. ... канд. юридич. наук. – Рязань, 1999. – С. 34.

³⁰ Там же. – С. 22.

Однако ряд авторов конструируют особую форму времени – «правовое время». Оно понимается как «функциональная категория юридической науки, выражающая возникновение, длительность и завершение правовых действий, процессов, норм, событий и последовательность смены их состояний»³¹. При этом одни авторы, выделяя «юридически значимые свойства правового времени», говорят уже об особой хроносфере³². А другие находят «юридические функции времени в праве»³³ и обосновывают понятие «правового времени» как «фундаментальной и функциональной категории, отражающей процесс непрерывных изменений юридической жизни, в ходе которого возникают новые и исчезают ранее существовавшие правоотношения, юридические нормы и правовые акты, влияющие на становление и развитие юридической науки и практики»³⁴. Еще правовое время предстает в виде «особой функциональной категории юридической науки, выражающей возникновение, длительность и завершение правовых предписаний и отношений, последовательность смены их состояний и обязательность их соблюдения всеми субъектами права»³⁵.

Однако в качестве теоретико-правовых методологических основ анализа этой проблематики необходимо учитывать следующее. Во-первых, поскольку право представляет собой часть нормативно-регулятивной сферы общества, то теоретико-правовые обобщения тех сторон социальной жизни, которые обусловлены сложными связями между проистеканием времени и отражением этого процесса в жизни, должны быть связаны с необходимостью распознать, проанализировать, классифицировать, с одной стороны, способы подчинения поведения человека времени и, с другой стороны, способы управления временем как необходимыми условиями упорядочения общественных отношений.

Во-вторых, важен тот факт, что право взаимодействует с различными формами времени (четкие методологические основы реальности различных форм времени достаточно хорошо разработаны как в философских, так и в физических, химических, геологических и социологических исследованиях, базирующихся на классических идеях В.А. Канке³⁶). Однако ни философско-логических,

³¹ Тенилова Т.Л. *Время в праве: Дис. ... канд. юрид. наук.* – Нижний Новгород, 1999. – С. 5–7.

³² Румянцева В.Г., Ахмедов Ч.Н. *Пространство и время как факторы действия права // История государства и права.* – 2006. – № 12. – С. 2.

³³ Волк И.В. *Право, время и пространство: теоретический аспект: Дис. ... канд. юрид. наук.* – М., 2004. – С. 5.

³⁴ Там же. – С. 41.

³⁵ Андреева М.В. *Действие налогового законодательства во времени.* – М.: Статут, 2006. – С. 10.

³⁶ См. Канке В.А. *Формы времени.* – Изд. 2-е, доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002.

ни методологических оснований выделять правовое время как самостоятельную форму права не имеется. Когда в юридических исследованиях отдельных элементов правовой системы говорят о «правовом времени», авторы не ставят своей задачей показать, чем же это специфическое «время» отличается от физического или космического времени, и подменяют обсуждение проблем времени на этом специально-научном (правовом) уровне обсуждением отдельных аспектов временных отношений и механизмов функционирования правовой системы по времени (часы, ритмы). Однако при этом забывают, что выделение форм времени основывается на постулате – размерные величины изменения времени в различных формах различны, при этом к чертам формы времени относят лишь такие характеристики, которые выражают специфику явлений. То есть, выделяя новую форму времени, необходимо, описывая ее, раскрыть присущие только ей параметры и измерения³⁷. Но предлагаемый перечень свойств «правового времени» не обосновывается, их природа не описывается, поскольку сущность правового времени так и не раскрывается. Лишь указывается, что «правовое время» – это правовая категория, у которой есть некие свойства (момент времени, длительность, последовательность, одновременность, повторяемость, интенсивность, ритмичность, непрерывность, прерывность и др.)³⁸. Однако, указывать в дефиниции явления, что оно представляет собой правовую категорию, – значит, не понимать, что у правовой категории как методологического инструмента познания, являющегося идеальным аналогом материального мира, есть содержание, но нет свойств (так как свойство категории права – «отражать определенные стороны, процессы правовых явлений и, будучи примененными в познании, выступать в качестве специфических средств движения к новым результатам»³⁹).

Поэтому, анализируя правовую действительность, важно понимать, что в правовой системе проявляются различные, уже подробно описанные наукой (календарное, социальное и т.д.) формы времени. А формы таких проявлений находят выражение на различных уровнях правовой системы – нормативном массиве, правосознании, правотворчестве, правореализации. То есть представления о том, что «в праве исходят из физического

³⁷ Так, как представлены четыре фундаментальные физические (не производные от иных) формы времени, соответствующие типам фундаментальных материальных взаимодействий (гравитационное, электромагнитное, ядерное и слабое) или структурное время в химии, биологическое двойственное время, геологическое время или социальная форма времени.

³⁸ См.: *Тенилова Т.Л.* Указ. соч.

³⁹ *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права: в 2 т. Т.1 «Элементный состав». – М.: Юстицинформ, 2000. – С. 369.

(кинетического) понимания времени и его метрических свойств (час, сутки, год) применительно к макромиру»⁴⁰, справедливо только для тех ситуаций, когда темпоральные параметры поведения субъектов права задаются формально определенными (прежде всего календарными) показателями. Но если для этого используются оценочные показатели (понятия), то имеется в виду социальное время, которое, конечно же, может быть «приведено» к его метрическим свойствам, однако вовсе не с ними связываются в этом случае юридические последствия, да и величины его измерения совсем другие.

* * *

⁴⁰ Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. – Иркутск, 1984. – С. 57.

Соловьев А.А. История развития и кодификации законодательства Французской Республики о спортивной и физкультурной деятельности⁴¹

В мире действует не так много кодифицированных нормативных правовых актов в сфере спорта, чтобы это можно было считать обычной или массовой тенденцией. И наибольший интерес, по нашему мнению, в этом смысле вызывает Спортивный кодекс Франции (Code du sport).

И хотя во Франции издано значительное количество научных исследований, посвященных этому нормативному правовому акту⁴², а практика его применения насчитывает уже несколько лет, для российской науки Спортивный кодекс Франции остался недостаточно известным.

Начало кодификации французского законодательства о спорте было положено ещё Законом Франции № 84-610 от 16 июля 1984 г. относительно организации и стимулирования физкультурной и спортивной деятельности⁴³, известным как «Закон Авис» (Loi Avise), по имени делегированного министра по делам досуга, молодежи и современного спорта.

Согласно статье 1 указанного Закона Франции, физическая и спортивная активность представляет собой важный фактор здоровья и развития каждого человека, является основным элементом воспитания, культуры и общественной жизни. Её развитие есть основная цель, а включение в неё есть право каждого, вне

⁴¹ **Соловьев Андрей Александрович** – член Комиссии по спортивному праву Ассоциации юристов России, кандидат юридических наук, федеральный судья, мастер спорта России.

Статья посвящена истории и особенностям процесса кодификации законодательства Французской Республики о спорте и физкультурной деятельности. Исследованы содержание и особенности Спортивного кодекса Франции.

Ключевые слова: кодификация, спортивный кодекс, спортивное право, спорт, физическая культура, зарубежное право, Франция.

⁴² См., например: *Breillat J.-C., Dudognon C., Karaquillo J.-P., Lagarde F., Peyer F., Rocipon P.* Code du sport: Commenté / Pastor J.-M. (coord.). – 4e édition (édition 2009). – Paris: Dalloz, 2009. – 1535 p.; *Rizzo F., Buy F., Duval J.-M., Marmayou J.-M., Durand A.* Code du sport. – Édition 2008. – Paris: Litec, 2008. – 1023 p.; *Buy F., Marmayou J.-M., Poracchia D., Rizzo F.* Droit du Sport: Manuel. – 2ème édition. – Paris: Lgdj, 2009. – 922 p.; *Lorée A.* L'Ordonnance № 2006-596 du 23 mai 2006 relative à la partie législative du code du sport // *Lamy Droit du sport, Eclairage*. – 21 juin 2006. – № 35. – P. 1.; *De Silva I.* L'adoption du Code du sport, consécration pour le Droit du sport? // *AJDA, Dossier Actualité du droit du sport*, 2007. – P. 1623.

⁴³ *Journal officiel de la République Française*. – 17.07.1984.

зависимости от пола, возраста, способностей и положения в обществе. Государство ответственно за физическое и спортивное обучение и воспитание, находящееся под руководством министерства национального образования, которое обеспечивает или контролирует, вместе с заинтересованными сторонами, организацию обучения, ведущего к получению различных профессий в области физической и спортивной активности, и выдачу соответствующих дипломов. Спорт высших достижений есть средство обогащения и прогресса человечества. Высококвалифицированный спортсмен играет социальную, культурную и национальную роль первостепенной важности. Развитие физической и спортивной активности и спорта высших достижений входит в обязанность государства и спортивного движения, включающего спортивные ассоциации и федерации, при участии органов местного самоуправления, предприятий и иных социальных институтов.

Государство вместе со спортивным движением обеспечивает высококвалифицированным спортсменам возможность совершенствоваться в их спортивных дисциплинах и заботится об их трудоустройстве. Государство и общественные деятели оказывают содействие повышению роли ассоциаций в области физической и спортивной активности всеми средствами, позволяющими облегчить демократическое функционирование ассоциаций и исполнение работы на общественных началах.⁴⁴

Но к этой линии прибавились и нормативные направления, представленные специальными законами – такими, как Закон Франции № 2006-405 от 5 апреля 2006 г. о борьбе с употреблением допинга и о защите здоровья спортсменов⁴⁵.

Спортивный кодекс Франции был призван объединить или воспринять не только указанный Закон от 16 июля 1984 г. и многочисленные внесенные в него за последующие годы изменения, но и множество иных нормативных правовых актов, касавшихся тех или иных аспектов физкультурной и спортивной деятельности, включая и те, что предшествовали Закону от 16 июля 1984 г.⁴⁶

⁴⁴ <<http://lib.sportedu.ru/GetText.idc?TxtID=1549>>. (Последнее посещение 25.08.2009); Настольная книга спортивного менеджера: Справ. пособие / РГАФК; авт.-сост. М.И. Золотов [и др.]. – М.: Фон, 1997.

⁴⁵ Journal officiel de la République Française. – 06.04.2006.

⁴⁶ Breillat J.-C., Dudognon C., Karaquillo J.-P., Lagarde F., Peyer F., Rocipon P. Code du sport: Commenté / Pastor J.-M. (coord.). – 4e édition (édition 2009). – Paris: Dalloz, 2009. – P. 3.

Акты, явившиеся «предтечами» Спортивного кодекса Франции и подготовившие для него необходимые условия и основы

Среди актов, явившихся «предтечами» Спортивного кодекса Франции и подготовивших для него необходимые условия и основы, обоснованно выделить следующие:

1. Устав спорта от 20.12.1940⁴⁷, принятый Правительством Виши и регламентировавший вопросы организации физкультурной и спортивной деятельности.

2. Постановление Французского комитета национального освобождения Алжира от 02.10.1943, определившее временный статус спортивных и молодежных объединений⁴⁸.

3. Постановление № 45-1922 от 28.08.1945 относительно деятельности ассоциаций, лиг, федераций и спортивных объединений⁴⁹. Это достаточно краткое постановление, содержащее всего 6 статей, впервые определило статус государственного органа административного надзора в области физкультурной и спортивной деятельности, установило правовой механизм, позволявший Министру национального образования Франции делегировать спортивным федерациям правомочия разрешать проведение спортивных соревнований, «имеющих целью определить ассоциацию, команду, игрока или спортсмена как национального или регионального победителя или как представителя Франции или региона в международных соревнованиях». Данное Постановление подчиняло также участников спортивного движения обязательным правилам. Данный нормативный правовой акт выполнял функции по рамочному правовому регулированию физкультурной и спортивной деятельности Франции в течение тридцати лет.

4. Закон Франции от 29.10.1975 (известный как Закон Мазё (Loi Mazeaud)) относительно развития физкультуры и спорта⁵⁰, заменивший Постановление от 1943 г. (в части, касающейся спортивных объединений) и Постановление от 1945 г. Главной особенностью этого Закона Франции явилось то, что он распространил правовое регулирование на существенно более широкий круг вопросов, относившихся к физкультурной и спортивной деятельности, таких, например, как: физкультурное и спортивное образование, медицинское наблюдение за спортсменами, статус и деятельность Национального французского олимпийского комитета и Национального французского спортивного комитета, спорт высших достижений, спортивное оборудование. Этот нормативный правовой

⁴⁷ Journal officiel de la République Française. – 08.04.1941.

⁴⁸ Journal officiel de la République Française. – 07.10.1943.

⁴⁹ Journal officiel de la République Française. – 29.08.1945.

⁵⁰ Journal officiel de la République Française. – 30.10.1975.

акт действовал лишь десятилетие и был заменен уже упомянутым выше Законом Франции № 84-610 от 16.07.1984⁵¹.

5. Уже упоминавшийся Закон Франции № 84-610 от 16.07.1984 («Закон Авис»).

6. Закон Франции № 92-652 от 13.07.1992 («Закон Бредэн»).

7. Закон Франции № 99-223 от 23.03.1999 о защите здоровья спортсменов и борьбе с допингом.

8. Закон Франции № 2000-627 от 06.07.2000 («Закон Бюфэ»).

9. Закон Франции № 2003-708 от 01.08.2003 («Закон Ламур»).

Изменения «Закона Авис» в период с 1984 по 2004 гг.

«Закон Авис» претерпел многочисленные изменения в течение периода своего действия – посредством принятия нижеследующих актов:

- Закон Франции № 85-10 от 03.01.1985 (Journal officiel de la République Française. – 04.01.1985);

- Закон Франции № 87-979 от 07.12.1987 – «Закон Бержелэн» («Loi Bergelin») (Journal officiel de la République Française. – 08.12.1987);

- Закон Франции № 92-652 от 13.07.1992 – «Закон Бредэн» («Loi Bredin») (Journal officiel de la République Française. – 16.07.1992);

- Закон Франции № 92-1336 от 16.12.1992 (Journal officiel de la République Française. – 23.12.1992);

- Закон Франции № 93-1282 от 06.12.1993 – «Закон Альо-Мари» («Loi Alliot-Marie») (Journal officiel de la République Française. – 07.12.1993);

- Закон Франции № 94-679 от 08.08.1994 (Journal officiel de la République Française. – 10.08.1994);

- Закон Франции № 95-73 от 21.01.1995 (Journal officiel de la République Française. – 24.01.1995);

- Закон Франции № 98-146 от 06.03.1998 (Journal officiel de la République Française. – 10.03.1998);

- Закон Франции № 99-223 от 23.03.1999 – Закон о защите здоровья спортсменов и борьбе с допингом (Journal officiel de la République Française. – 24.03.1999);

- Закон Франции № 99-493 от 15.06.1999 – «Закон Леруа» («Loi Leroy») (Journal officiel de la République Française. – 16.06.1999);

- Закон Франции № 99-1124 от 28.12.1999 – «Закон Эйро» («Loi Ayrault») (Journal officiel de la République Française. – 29.12.1999);

- Постановление № 2000-549 от 15.06.2000 (Journal officiel de la République Française. – 22.06.2000);

⁵¹ Breillat J.-C., Dudognon C., Karaquillo J.-P., Lagarde F., Peyer F., Rocipon P. Code du sport: Commenté. – P. 3-4.

- Закон Франции № 2000-597 от 30.06.2000 (Journal officiel de la République Française. – 01.07.2000);
- Закон Франции № 2000-627 от 06.07.2000 – «Закон Бюфэ» («Loi Buffet») (Journal officiel de la République Française. – 08.07.2000);
- Постановление № 2000-916 от 19.09.2000 (Journal officiel de la République Française. – 22.09.2000);
- Закон Франции № 2001-624 от 17.07.2001 (Journal officiel de la République Française. – 18.07.2001);
- Закон Франции № 2002-1578 от 30.12.2002 – «Закон Мюра» («Loi Murât») (Journal officiel de la République Française. – 31.12.2002);
- Закон Франции № 2003-239 от 18.03.2003 – «Закон Саркози» («Loi Sarkozy») (Journal officiel de la République Française. – 19.03.2003);
- Закон Франции № 2003-708 от 01.08.2003 – «Закон Ламур» («Loi Lamour») (Journal officiel de la République Française. – 02.08.2003);
- Закон Франции № 2004-575 от 21.06.2004 (Journal officiel de la République Française. – 22.06.2004);
- Закон Франции № 2004-1343 от 09.12.2004 (Journal officiel de la République Française. – 10.12.2004);
- Закон Франции № 2004-1366 от 15.12.2004 (Journal officiel de la République Française. – 16.12.2004);
- Закон Франции № 2006-64 от 23.01.2006 (Journal officiel de la République Française. – 24.01.2006).

Внесенные указанными актами изменения не были равнозначны.

Жан-Кристоф Брейя, Шарль Дюдоньон, Жан-Пьер Каракийо, Франк Лагард, Флоранс Пейе и Прюн Росипон условно классифицируют эти изменения по трём группам: существенные изменения, незначительные изменения и технические изменения⁵².

Существенные изменения вносились в Закон № 84-610 от 16.07.1984 («Закон Авис») Законом от 13.07.1992 («Закон Бредэн»), Законом от 06.07.2000 («Закон Бюфэ») и Законом от 01.08.2003 («Закон Ламур»).

«Закон Бредэн» (40 статей) был призван, по прошествии восьми лет действия «Закона Авис», учесть изменения, происшедшие в области спортивной и околоспортивной деятельности.

⁵² Breillat J.-C., Dudognon C., Karaquillo J.-P., Lagarde F., Peyer F., Rocipon P. Code du sport: Commenté. – P. 4.

«Закон Бредэн» установил совершенно новые нормы, в том числе были внесены нижеследующие изменения:

- введение механизма предварительного декларирования деятельности посредников в спорте;
- установление дисциплинарного регламента, обязательного для соответствующих спортивных федераций;
- установление процедуры обязательного примирения во Французском олимпийском и спортивном комитете (CNOSF) до предъявления какого то бы ни было иска;
- установление процедуры одобрения компетентным французским министерством актов спортивных федераций;
- правила относительно отношений между субъектами спорта и средствами массовой информации;
- механизмы развития роли местных сообществ и муниципалитетов в организации и стимулировании спортивной и физкультурной деятельности;
- гарантии и механизмы обеспечения безопасности спортивных сооружений и спортивных мероприятий⁵³.

Помимо этого, «Закон Бредэн» был призван адаптировать существующие правила применительно к некоторым реалиям:

- совершенствование статуса профессиональных спортивных клубов;
- совершенствование основ и механизмов отношений между профессиональными спортивными клубами и ведущей спортивной ассоциацией в этом виде спорта;
- совершенствование гарантий и механизмов уголовно-правовой защиты титулов и званий, выданных федерациями;
- уточнение роли государственной комиссии спорта высших достижений,
- совершенствование правового регулирования коллективных договоров в области индивидуального страхования спортсменов и иных участников спортивных правоотношений;
- совершенствование правового регулирования обучения за вознаграждение физической культуре и спортивным видам деятельности.

Закон Франции № 2000-627 от 06.07.2000 («Закон Бюфэ»; 61 статья), явившийся продолжением усилий министра Мари-Жорж Бюффе после принятия появившегося по инициативе этого министра Закона о защите здоровья спортсменов и борьбе с допингом от 23 марта 1999 г., претендовал на пересмотр всего текста (в конечном итоге 61 статьи). Нормы «Закона Авис» были изменены или

⁵³ На развитие законодательства по этому аспекту повлияла катастрофа на стадионе Фюриани (Furiani), совпавшая по времени с ходом парламентской дискуссии.

дополнены по большинству аспектов предмета регулирования этого Закона.

Наиболее значимые изменения, внесенные «Законом Бюфэ», послужили основой для перехода к механизму предварительного разрешения на осуществление деятельности работника в сфере спорта, повторного определения правил набора кадров в спортивные федерации, восстановления, на определенных условиях, возможностей поддержки местными сообществами профессиональных клубов и особенно для перехода к общему порядку профессиональной подготовки как условия доступа к профессии спортивного преподавателя. Поскольку «Закон Бюфэ» столкнулся с рядом трудностей при его применении на практике, «Закон Ламур» (12 статей) провел последнюю крупную по своему содержанию реформу «Закона Авис», создав, тем самым, необходимые условия для дальнейшей масштабной кодификации. «Законом Ламур» внесены изменения, касающиеся вопросов собственности и передачи прав на трансляции спортивных мероприятий; набора кадров в спортивные федерации; возможностей для федераций учитывать членов, не входящих в ассоциацию; обучения физической культуре и спортивным видам деятельности за вознаграждение с некоторым ослаблением правил, вытекающих из закона Бюфе и установлением переходного периода.⁵⁴

Помимо общих изменений, которые касались различных аспектов спортивного законодательства, было внесено много поправок для разрешения отдельных проблем, с учетом современных реалий. Так, Закон Франции № 87-979 от 07.12.1987 («Закон Бержелэн») был посвящен исключительно определению юридических форм спортивных профессиональных клубов. Закон Франции №93-1282 от 06.12.1993 («Закон Альо-Мари») внедрил в практику, в связи с многочисленными инцидентами в ходе футбольных встреч, уголовно-правовой режим наказания в отношении «спортивных хулиганов». Законы Паска («Lois Pasqua») от 8 августа 1994 г. (закон DDOEF) и 21 января 1995 (закон ориентации и программирования на безопасность) касались выделения местными сообществами дотаций профессиональным спортивным клубам и переноса последней даты проверки на соответствие техническим условиям закрытых спортивных сооружений. Закон от 6 марта 1998 г. имел своей целью уладить некоторые проблемы – такие, как доступ журналистов в закрытые спортивные помещения, а также был призван дополнительно урегулировать условия для занятий спортом во Франции. Закон от 23 марта 1999 г. («Закон Бюфе»), в основном посвященный защите здоровья спортсменов и борьбе с допингом,

⁵⁴ Breillat J.-C., Dudognon C., Karaquillo J.-P., Lagarde F., Peyer F., Rocipon P. Code du sport: Commenté. – P. 4–5.

внёс некоторые коррективы в порядок объявления о проведении спортивных соревнований и мероприятий, проходящих вне рамок деятельности уполномоченных федераций. Некоторые проблемы, связанные с присвоением спортивных званий в боевых искусствах, были урегулированы Законом Франции № 99-493 от 15.06.1999 («Закон Леруа»). Закон Франции № 99-1124 от 28.12.1999 («Закон Эйро») был призван уточнить статус профессиональных спортивных клубов и урегулировать правовое положение центров подготовки молодых спортсменов. Закон от 30 июня 2000 г. об административной юрисдикции изменил впоследствии положения статьи 17-1 «Закона Авис» относительно замечания министерства по поводу актов спортивных федераций. Закон от 17.07.2001, содержащий различные положения социального, образовательного и культурного порядка, послужил основой для небольшого изменения в отношении срока приведения профессиональных клубов в соответствие положениям, вытекающим из этого Закона. Закон Франции № 2002-1578 от 30.12.2002 («Закон Мюра») позволил урегулировать в срочном порядке риски, связанные с отсутствием переходного периода в Законе от 6 июля 2000 г., где речь идет о внедрении на практике нового режима обучения за вознаграждение физической культуре и спортивным видам деятельности. Закон Франции № 2003-239 от 18.03.2003 («Закон Саркози») внёс ряд изменений относительно требований по обеспечению безопасности спортивных мероприятий. Закон от 21 июня 2004 г. позволил расширить положения статей 18-2, 18-3 и 18-4 относительно отношений между субъектами спортивной деятельности и средствами массовой информации. Закон от 9 декабря 2004 г. касался видов спорта на природе. Закон от 15 декабря 2004 г., содержащий различные положения относительно профессионального спорта, в частности, учредил механизм вознаграждения «права на коллективный образ» и постарался обезопасить профессиональных спортсменов в национальной команде. И, наконец, Закон от 23 января 2006 г. относительно борьбы с терроризмом, содержащий различные положения относительно безопасности и контроля, послужил основой для введения понятия административного запрета на использование стадиона в предупредительных целях.⁵⁵

⁵⁵ Ibid. – P. 5–6.

Этапы кодификации законодательства Французской Республики о спортивной и физкультурной деятельности

С начала 2000-х гг. совершенствование французского законодательства о спорте направлялось, в первую очередь, именно на его систематизацию в форме кодификации.

В 2004 году Министерство здравоохранения, по делам молодежи, спорта и ассоциаций Французской Республики выступило с инициативой по подготовке кодифицированного нормативного акта, объединяющего различные правовые предписания в спортивной сфере.

На тот период спортивное законодательство Франции оценивалось как весьма раздробленное и несистематизированное. Его нормы содержались, например, в Кодексе о здравоохранении (борьба с использованием допинга и вопросы контроля за здоровьем спортсменов), Кодексе образования (образование в области физической культуры и спорта, меры против коммерциализации деятельности спортивных и оздоровительных учреждений), иных законодательных актах, регулирующих, в частности, вопросы в сфере строительства, защиты окружающей среды, туризма, а также в огромном количестве подзаконных нормативных правовых актов.

Характерно, что в качестве основной цели принятия Спортивного кодекса Франции указывалось на необходимость облегчения доступа граждан и ассоциаций к нормам спортивного законодательства, содержащимся в едином документе.

Концепция Спортивного кодекса Франции была разработана к 2004 году⁵⁶.

Проект Спортивного кодекса явился результатом коллективной работы, организованной тремя группами участников⁵⁷:

- рабочая группа внутри Министерства по делам молодежи, спорта и деятельности ассоциаций;
- комиссия «пользователей», привлеченная для того, чтобы соотносить проект с ожиданиями будущих пользователей Кодекса, состоящая из юристов, представителей спортивной общественности и работников служб местных органов;
- группа специалистов, задействованных в различных юридических областях, затрагиваемых Спортивным кодексом.

Работы по кодификации реально начались с принятия Закона № 2004-1343 от 9 декабря 2004 г.⁵⁸ о наделении дополнительными

⁵⁶ Le code du sport // <<http://www.sports.gouv.fr>> (Последнее посещение 25.08.2009).

⁵⁷ Rapport au Président de la République, relatif à l'Ordonnance № 2006-596 du 23 mai 2006 relative à la partie législative du code du sport // *Dudognon C.* Les sources du Droit du sport; *Breillat J.-C., Dudognon C., Karaquillo J.-P., Lagarde F., Peyer F., Rocipon P.* Code du sport: Commenté. – P. 8–9.

⁵⁸ Journal officiel de la République Française. – 10.12.2004.

полномочиями, который позволил Правительству действовать через постановление для принятия, в частности, законодательной части Кодекса о спорте (статья 84). Отметим, что обозначенный Закон о наделении дополнительными полномочиями предусмотрел обязанность для Правительства вносить законопроект на утверждение в течение 3 месяцев, следующих за принятием постановления (статья 92). Кодификация имела в качестве своей отображенной цели «облегчить доступ к праву и упростить применяемое право»^{59, 60}.

В 2005 году было завершено составление проекта Спортивного кодекса Франции, и этот проект прошел обсуждение и утверждение на Высшей Комиссии по кодификации 28 июня 2005 года.

Кодификация проводилась в относительно спокойном темпе, и, в конечном итоге, потребовалось полтора года до того, как увидела свет Законодательная часть Спортивного кодекса, позже понадобилось еще каждый раз по году, чтобы последовательно принять оставшиеся две части Спортивного кодекса.⁶¹

Законодательная часть Спортивного кодекса Франции была введена в действие Постановлением № 2006-596 от 23.05.2006⁶².

Регламентарная часть (Декреты) была введена в действие Декретами № 2007-1132 и № 2007-1133 от 24.07.2007⁶³.

Регламентарная часть (Постановления) была введена в действие Постановлением от 18.02.2008⁶⁴.

После публикации Законодательной части Спортивного кодекса Франции эта часть несколько раз претерпела изменения, в частности посредством Закона Франции № 2006-784 от 05.07.2006 относительно предупреждения насилия при проведении спортивных мероприятий⁶⁵, Закона Франции № 2006-1294 от 23.10.2006, содержащего различные положения относительно спортивных арбитров⁶⁶, Закона Франции № 2006-1770 от 30.12.2006 относительно

⁵⁹ Доклад Президенту Республики относительно Постановления № 2006-596 от 23.05.2006 (*Journal officiel de la République Française*. – 26.05.2006).

⁶⁰ *Dudognon C. Les sources du Droit du sport: Thèse doctorat: Droit public [Источники спортивного права: Диссертация доктора права (публичное право)] / Dir. de thèse: Pr. Jean Morange; Rapporteurs: Jean.-François Lachaume, Dominique Breillat; Suffragants: Joël Carbajo, Hélène Pauliat, Jean-Pierre Karaquillo / Université de Limoges, Faculté de droit et des sciences économiques, 24 novembre 2007. – Limoges, 2007. 2 vol.*

⁶¹ *Dudognon C. Les sources du Droit du sport.*

⁶² *Journal officiel de la République Française*. – 26.05.2006.

⁶³ *Journal officiel de la République Française*. – 25.07.2007.

⁶⁴ *Journal officiel de la République Française*. – 29.04.2008.

⁶⁵ *Journal officiel de la République Française*. – 06.07.2006.

⁶⁶ *Journal officiel de la République Française*. – 24.10.2006.

развития участия и коллективного владения пакетом акций⁶⁷, что послужило основой для разрешения профессиональным спортивным клубам официально объявлять о своих сбережениях, Постановлением № 2007-1389 от 27.09.2007 относительно контроля, констатации правонарушений и санкций в сфере борьбы с допингом и защиты здоровья спортсменов в Новой Каледонии⁶⁸.

Вызывают интерес **особенности механизмов и подходов французской кодификации в обсуждаемой области:**

1. Как отмечает д.ю.н. А.Н. Козырин, во Франции кодификация понимается как собрание, объединение постоянно действующих правовых норм, относящихся к определенной сфере общественных отношений (в этом ее некоторое отличие от понимания в России). Нормативные тексты представлены во французском кодексе в соответствии с их природой: закон, декрет Государственного Совета, декрет и решение. Обычно Кодекс включает две части – законодательную и регламентарную. В общем виде, французский кодекс не создает новые правила, а объединяет только существующее право. В то же время нормы актов, не включенные в кодекс, утрачивают юридическую силу⁶⁹.

В рамках Закона о признании правомочий (статья 84-II) «кодифицированными положениями [...] являются те, которые находятся в действии в момент публикации постановлений, при условии внесения изменений, которые будут являться необходимыми для обеспечения соблюдения иерархии норм, редакционной связности таким образом собранных текстов, согласовать состояние права, выявить возможные ошибки и упразднить положения, кодифицированные или нет, ставшие беспредметными»⁷⁰.

2. Принятие Спортивного кодекса повлекло отмену множества устаревших, отживших правоположений. В частности, были отменены положения, регулирующие некоторые чисто консультативные инстанции. Была упразднена государственная комиссия по обучению физической культуре и спортивной деятельности (CNEAPS), в свое время учрежденная статьей 48-1 Закона от 16.07.1984, с мотивацией, что указанная комиссия почти никогда не собиралась, что подтверждало её ненужность. Как отмечает Шарль Дюдоньон, «просто строгое применение принципов, вытекающих из иерархии норм и распределения компетенций между исполнительной и

⁶⁷ Journal officiel de la République Française. – 31.12.2006.

⁶⁸ Journal officiel de la République Française. – 28.09.2007.

⁶⁹ Кодекс образования Франции. Законодательная часть / Пер. с фр.: О.А. Мандрусова и Г.Ф. Ткач. – М.: Статут, 2003. – С. 22–23.

⁷⁰ Breillat J.-C., Dudognon C., Karaquillo J.-P., Lagarde F., Peyer F., Rocipon P. Code du sport: Commenté. – P. 7.

законодательной властью, могло бы привести к настоящему высушению законодательной нормы, процесс отмены привел, в конечном итоге, лишь к незначительным поправкам»⁷¹.

Были исключены недостаточно ясные или юридически неопределенные понятия. Так, было исключено понятие «спортивное объединение». Данное понятие, использовавшееся в статье 7 Закона № 84-610 от 16.07.1984, не было четко определено законом, а лишь толковалось Постановлением кассационного суда.

В Спортивном кодексе были сохранены только полностью определенные понятия (спортивные ассоциации, федерации и т.д.).

3. Формальная адаптация, произведенная посредством сбора кодифицированных текстов, согласно Закону Франции № 2004-1343 от 09.12.2004 о наделении дополнительными полномочиями, была направлена на обеспечение редакционной связности их положений, оптимизацию внутренних ссылок и стандартизацию понятий.⁷²

4. Сближение законов способствовало появлению необходимости стандартизации правового регулирования в области спорта. Данные изменения, вносимые в действующие законы, остаются в рамках, задаваемых Законом Франции № 2004-1343 от 09.12.2004 о наделении дополнительными полномочиями.⁷³

5. Исходя из специфических свойств французской правовой системы, в состав Спортивного кодекса Франции входят как законодательные правоположения, так и нормы подзаконного характера. Законодательная часть Спортивного кодекса Франции (мы рассматриваем ее в редакции по состоянию на 31 августа 2009 года) может условно считаться «общей частью» Спортивного кодекса Франции, поскольку именно эта часть содержит базовые правовые предписания.

6. Спортивный кодекс включает в себя совокупность правоположений, связанных непосредственно с занятием физической культурой и спортивной деятельностью. Он объединяет, в основном, вокруг положений Закона № 84-610 от 16.07.1984 относительно организации и проведения физической культуры и спортивной деятельности, законы, предварительно кодифицированные в Кодексе о здравоохранении и Кодексе образования. Из Кодекса о здравоохранении взяты положения в области защиты здоровья спортсменов и борьбы с допингом; из Кодекса образования – положения относительно обучения за вознаграждение и учреждений,

⁷¹ *Dudognon C. Les sources du Droit du sport; Breillat J.-C., Dudognon C., Karaquillo J.-P., Lagarde F., Peyer F., Rocipon P. Code du sport: Commenté. – P. 7–8.*

⁷² *Rapport au Président de la République, relatif à l'Ordonnance № 2006-596 du 23 mai 2006 relative à la partie législative du code du sport // Dudognon C. Les sources du Droit du sport; Breillat J.-C., Dudognon C., Karaquillo J.-P., Lagarde F., Peyer F., Rocipon P. Code du sport: Commenté. – P. 10.*

⁷³ *Ibid. – P. 10.*

в которых практикуются спортивные виды деятельности. Кодекс о здравоохранении и Кодекс образования отныне отсылают к положениям, включенным в Спортивный кодекс. Другие положения, применимые к спортивной практике, были подкреплены также нормами других Кодексов, помимо Спортивного кодекса, если они выходили за рамки спорта. Если возникает необходимость установить связь между Спортивным кодексом и соответствующим положением, то в этом случае содержащаяся в Спортивном кодексе ссылка на иные кодифицированные акты учитывается применительно к конкретному аспекту в первую очередь, имея преимущество над положениями Спортивного кодекса, согласно заключению Высшей Комиссии по кодификации от 3 марта 2006 г.⁷⁴

Структура Спортивного кодекса Франции

Спортивный кодекс Франции структурно состоит из следующих частей (об этом уже отчасти говорилось выше):

- Законодательная часть;
- Регламентарная часть (Декреты);
- Регламентарная часть (Постановления);
- приложения.

Спортивный кодекс Франции в целом включает в себя в общей сложности 1675 статей⁷⁵ (больше, чем четыре части Гражданского кодекса Российской Федерации).

Законодательная часть Спортивного кодекса Франции состоит из четырех книг. Первая книга посвящена организации физкультурной и спортивной деятельности. Вторая книга посвящена регламентации статуса, деятельности, отношений, прав и обязанностей участников спортивных отношений. В третьей книге содержатся положения, относящиеся к занятиям спортом. Четвертая книга содержит различные дополнительные правовые положения.

Части кодекса подразделяются, соответственно, на книги, части (части книг), главы, разделы (подразделы) и статьи.

Предшествующая порядковому номеру каждой статьи буква «L» или «R» обозначает ее, соответственно, законодательный (Legislative) или регламентарный (Réglementaire) характер. Первая цифра в обозначении номера статьи соответствует номеру книги, вторая – части книги, третья – номеру главы, а четвертая – порядковому номеру статьи.

⁷⁴ Ibid. – P. 9.

⁷⁵ Текст Спортивного кодекса Франции получен на официальном сайте правительства Франции <<http://www.legifrance.gouv.fr>>.

Формально-правовые и концептуальные особенности, особенности метода правового регулирования

Заимствуя подход д.ю.н., проф. А.Н. Козырина⁷⁶, считаем необходимым обратить внимание даже не на то, **что** регулирует Кодекс (в этих вопросах достаточно много национальной специфики, познавательной, но не всегда «переносимой» на российскую основу), а на то, **как** регулируются спортивные отношения, на разнообразные приемы и способы, в совокупности составляющие метод правового регулирования.

Подвергая анализу Спортивный кодекс Франции, мы не обращаемся к вопросу о том, чья система организации спорта лучше – французская или российская, а предпочитаем обратить внимание на уровень и качество правового регулирования отношений в области спорта, которые демонстрирует французский Спортивный кодекс.

Согласно вводным статьям кодекса, физкультурная и спортивная деятельность заявлены национальным приоритетом Франции, составляют важные элементы воспитания, культуры, интегрирования и общественной жизни, способствуют как сокращению социального и культурного неравенства, так и заботе об общественном здоровье. Эта формулировка свидетельствует о том, насколько значительное место французские власти отводят спорту в жизни общества, – отсюда и обоснованность наличия кодифицированного акта в этой стране.

Содержательно Спортивный кодекс Франции весьма подробно регулирует вопросы:

- правового статуса, деятельности и взаимоотношений субъектов спортивных отношений: субъектов публичного права (государство, национальные публичные учреждения, административно-территориальные образования, организации общественной пользы); спортивных ассоциаций и спортивных обществ; спортивных федераций и профессиональных спортивных лиг; представительных (Французский национальный олимпийский и спортивный комитет и др.) и посреднических органов, спортсменов, спортивных тренеров, спортивных судей и арбитров, спортивных агентов, иных участников спортивных правоотношений;

- общей организации физкультурной и спортивной деятельности и особенностей такой деятельности в конкретных сегментах области спорта;

- спортивной подготовки и образования в области физической культуры и спорта; требований и ограничений в этой области;

⁷⁶ Кодекс образования Франции. Законодательная часть / Пер. с фр.: О.А. Мандрусова и Г.Ф. Ткач. – М.: Статут, 2003. – С. 18–19.

надзора и контроля за образовательной деятельностью в области спорта;

- защиты здоровья спортсменов, медицинского контроля спортсменов;
- борьбы с употреблением допинга, контроля и профилактики в этой сфере;
- общей организации занятий спортом;
- требований к спортивным сооружениям и иным спортивным объектам;
- обязанностей, связанных со спортивной деятельностью;
- порядка организации и проведения спортивных мероприятий, их трансляции средствами массовой информации и их освещения в средствах массовой информации;
- финансирования и государственной поддержки спорта (в особенности – массового спорта и спорта высших достижений);
- административных правонарушений и уголовных преступлений в области спорта и ответственности за их совершение;
- особенностей применения французского законодательства о спорте в зарубежных департаментах и территориях.

В контексте разработки проекта Спортивного кодекса Российской Федерации и анализа значимых для этого норм и механизмов зарубежного законодательства о спорте обоснованно выделить следующие **особенности Спортивного кодекса Франции⁷⁷, применительно к его законодательной части.**

1. Спортивный кодекс Франции – это комплексный, развернутый и детализированный нормативный правовой акт, регулирующий огромный массив общественных отношений в области спорта, причем во всем их многообразии и в самом широком их охвате.

2. Кодекс носит межотраслевой характер и включает в себя нормы, относящиеся к конституционному, административному, гражданскому, уголовному, уголовно-процессуальному, трудовому, финансовому праву. Кроме того, он содержит большое количество положений, отсылающих к отраслевому законодательству, а также к подзаконным актам (в основном, декретам Государственного Совета). Соответственно имеет место сочетание императивного и диспозитивного методов правового регулирования различных общественных отношений.

3. Спортивный кодекс Франции практически лишен свойственных многим отечественным нормативным актам в данной области декларативности и размытости, поскольку содержит вполне четкие и ясные правовые предписания, одновременно предусматривая механизм их реализации.

⁷⁷ Не ранжируя их по степени значимости или иному критерию.

4. Как уже отмечалось, в силу особенностей французского правотворческого процесса, Спортивный кодекс Франции объединяет как законодательные предписания, так и нормы, имеющие подзаконный характер. При этом его законодательная часть состоит исключительно из норм, имеющих высшую юридическую силу, устанавливающих базовые правовые предписания.

5. Законодательная часть кодекса содержит большое количество норм (более четверти от общего их числа), предусматривающих дисциплинарную, административную и уголовную ответственность как физических, так и юридических лиц за нарушение его положений. Применяются такие виды санкций, как тюремное заключение, штраф, запрет на занятие определенной деятельностью (в том числе – на участие в спортивных соревнованиях), запрет на посещение спортивных мероприятий, в том числе – превентивный. При этом в большинстве случаев покушение на совершение правонарушения влечет за собой те же наказания, что и совершение правонарушения.

Разумеется, мы не предлагаем заимствовать правовые предписания Спортивного кодекса Франции в неизменном виде, но учесть положительный французский опыт при совершенствовании и кодификации отечественного законодательства о спорте представляется весьма полезным.

Как отмечает д.ю.н., проф. С.В. Алексеев, французский опыт может стать весьма полезным для развития и регулирования отечественной физкультурно-спортивной сферы. Российская правовая система относится к романо-германской правовой семье, что создает возможности для учета положительного зарубежного опыта этих стран в отечественном правотворческом процессе.⁷⁸

* * *

⁷⁸ Алексеев С.В. Предисловие // Спортивный кодекс Франции (Законодательная часть): Перевод с французского, вступительная статья с кратким комментарием к.ю.н. А.А. Соловьева / Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России. – М., 2009. – 134 с. (Серия: «Актуальные проблемы спортивного права». Выпуск 2). – С. 10.

Кулиев П.Р., Понкин И.В. О проекте «Концепции предметной области “Духовно-нравственная культура России”, включенной в инвариантную часть базисного учебного плана общеобразовательной школы в экспериментальном режиме на период 2010–2011 гг. (4 четверть 4 кл. – 1 четверть 5 кл.)»⁷⁹

Настоящий анализ выполнен по обращению Фонда «Русский предприниматель» (г. Екатеринбург) на проект «Концепции предметной области “Духовно-нравственная культура России”, включенной в инвариантную часть базисного учебного плана общеобразовательной школы в экспериментальном режиме на период 2010–2011 гг. (4 четверть 4 кл. – 1 четверть 5 кл.)»⁸⁰.

Анализ вышеназванного Проекта Концепции дает необходимые и достаточные основания для его оценки как реализующего попытку подменить суть и механизмы исполнения решения Президента Российской Федерации Д.А. Медведева от 21 июля с.г. о введении изучения в школах основ религиозной культуры (православной, мусульманской и др. культур), согласованного с Русской Православной Церковью и другими религиозными организациями, отвечающего сложившемуся социальному образовательному запросу⁸¹ православного населения России.

Это осуществляется посредством перенаправления реализации указанной инициативы Президента России в русло,

⁷⁹ **Кулиев Мамед-Паша Руфатович** – профессор кафедры национальной безопасности Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Понкин Игорь Владиславович – профессор кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук.

Статья посвящена вопросам правового регулирования изучения религиозной культуры в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях.

Ключевые слова: образовательное право; федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования; религиозное образование; изучение религиозной культуры; свобода совести.

⁸⁰ Далее – Проект Концепции. Версия этого документа – по состоянию на сентябрь 2009 г. Точные выходные данные в нём не указаны. Разработчик проекта Концепции – группа чл.-корр. РАО А.М. Кондакова.

Настоящий анализ (по состоянию на 01.10.2009) осуществлялся по электронной версии документа, следовательно, могут быть расхождения в указании номеров страниц исследуемого документа, обусловленные различными установками в программах текстовых редакторов на разных компьютерах.

⁸¹ Сложившимся требованиям населения России или крупных социальных групп к содержанию образования их детей, – прим. авт. настоящего заключения.

отвечающее частным идеологическим интересам авторов Проекта Концепции.

Несмотря на то, что в самом начале Проекта Концепции сказано: «*ПО ДНКР⁸² включает в себя учебные предметы: 1. Основы православной культуры; 2. Основы исламской культуры; 3. Основы иудейской культуры; 4. Основы буддистской культуры; 5. История традиционных религий в России; 6. Основы этики. Один из учебных предметов изучается обучающимся с его согласия и по выбору его родителей (лиц, замещающих родителей)*» (с. 3) – а именно в этом и заключалась суть инициативы Президента России, всё последующее содержание Проекта Концепции свидетельствует о заключающемся в нём и реализуемом им явном подлоге. При этом сам Проект Концепции, в целом, выступает как идеологическое обоснование такого подлога.

В Проекте Концепции выявлено несколько направлений подмен, реализующих выявленный подлог, прежде всего – следующие (ниже приведен подробный анализ):

1) подмена содержания предметной области «Духовно-нравственная культура России» и предмета «Православная культура» на вульгарно-секуляристское религиоведение псевдонаучного характера, соединенное с пропагандой асоциальной идеологии;

2) подмена целей, заявленных Президентом России при принятии решения о введении преподавания в школе основ религиозных культур;

3) подмена ценностно-мировоззренческих основ предметной области «Духовно-нравственная культура России» и предмета «Православная культура»;

4) подмена механизмов обеспечения адекватного преподавания предметов религиозной культуры на механизмы, заведомо провоцирующие конфликты.

1. Подмена содержания предметной области «Духовно-нравственная культура России» и предмета «Православная культура»

Анализ изложенных на с. 13–15 Проекта Концепции предлагаемых его авторами механизмов исполнения указанной инициативы Президента России позволяет сделать однозначный вывод о подмене сути и содержания предметной области «Духовно-нравственная культура России» и предмета «Православная культура».

⁸² ПО ДНКР – введенная авторами Проекта Концепции аббревиатура от наименования «предметная область “Духовно-нравственная культура России”», – прим. авт. настоящего заключения.

В отличие от указанной инициативы Президента России, предлагаемые авторами Проекта Концепции структура и содержание обсуждаемого курса религиозной культуры таковы, что вместо, к примеру, православной культуры школьники, семьи которых избрали для изучения ими именно этот предмет, получают идеологизированный суррогат, в действительности, не имеющий никакого отношения к изучению православной культуры.

При этом весь ничтожно малый объем времени, отводимый авторами Проекта Концепции для изучения православной культуры (14 часов в 4 классе и 16 часов в 5 классе), будет разделен на 4 «блока»:

«Четвертая четверть 4 класса (14 часов).

Блок 1 (примерно – 2 часа).

Введение в ПО ДНКР, общее для всех 6 предметов.

Значение нравственности, традиционных моральных норм в жизни человека, семьи и общества. Раскрываются религиозные и научные подходы в обосновании нравственности и морали.

Основная педагогическая задача – сформировать у обучающихся осознанное позитивное отношение к культурным феноменам “нравственность”, “мораль”, “религия”, “гуманизм”, “духовность”, “традиция”, первоначальные представления о значении духовности, нравственности, морали для жизни и деятельности (в том числе образовательной) человека, семьи, общества» (с. 13).

То есть предусмотрено, что все дети будут сидеть в одном классе и изучать вульгарно-секуляристское религиозоведение псевдонаучного характера.

Какие научные подходы в обосновании нравственности можно преподавать четвероклассникам? Все это не соответствует возрастным параметрам аудитории обучающихся.

Далее – блок 2:

«Блок 2 (примерно – 12 часов).

Введение в предмет по выбору. *У обучающегося формируется системное представление о той духовной традиции, которую он избрал в качестве предмета изучения. В результате освоения содержания данного блока учащийся должен знать и понимать, что есть (по выбору): православие, ислам, буддизм, иудаизм, традиционные российские религии, этика.*

Основная педагогическая задача – сформировать первоначальное представление об определенной духовной традиции» (с. 14).

Анализ предлагаемого блока 2 показывает его направленность на не более чем выхолощенное, поверхностное информирование о религиозной культуре.

Затем – в первой четверти 5 класса⁸³ ещё 2 блока:
«Первая четверть 5 класса (16 часов).

Блок 3 (примерно – 8 часов).

Изучаемая духовная традиция в контексте российской истории и культуры, включая их региональный и местный компоненты. Краткое изложение истории религии (религий) в связи с важнейшими событиями культурно-исторической жизни России, российских народов, края, республики, области, города, села. Для светской этики – краткое изложение важнейших событий культурно-исторической жизни России, российского народа, края, республики, области, города, села с позиций демонстрации персонифицированных образцов высокой духовности, примеров нравственного подвига, моральной крепости» (с. 14).

В этом блоке авторы Проекта Концепции стремятся свести преподавание религиозной культуры к содержательно выхолощенному, поверхностному информированию по вопросам, в действительности, не имеющим прямого отношения к православной культуре.

В частности, изучение школьниками содержания религиозной культуры подменяется на информирование их о неопределенных «героях», «соотечественниках, явивших лучшие примеры социально значимого поведения» (с. 11), о «нравственном героическом ряде» (с. 14), о «примерах коллективного и индивидуального подвига» во имя самых разнообразных «идеалов» (с. 14) и т.п. Приведем примеры:

«Через нравственный героический ряд раскрываются те основополагающие духовные, моральные ценности, на которых основаны традиционные российские религии и светская этика... Каждая ценность содержательно раскрывается на примерах духовного подвига. Приводятся жизнеописания святых, мучеников, духовных подвижников, **национальных героев, россиян, чья жизнь может служить примером нравственной стойкости, самоотверженности, любви к людям, семье, обществу, народу, Отечеству»** (с. 14);

«Связующими звеньями между содержанием культурологических основ религии (религий, светской этики), с одной стороны, и историей и культурой России, российских народов, с другой, является нравственный героический ряд – педагогически организованная система примеров коллективного и индивидуального нравственного, духовного подвига во имя

⁸³ Об этом можно будет говорить только тогда, когда будет готов и принят федеральный государственный образовательный стандарт **основного общего образования** – для 5–9 классов общеобразовательной школы, – прим. авт. настоящего заключения.

религиозных, общественных, семейных, патриотических идеалов» (с. 14);

«В религиозной духовной традиции соборно, на основе интерпретации канонических текстов, в почитании святых, героев и праведников сложилось глубокое понимание жизни человека, семьи, общества с точки зрения вечности» (с. 5).

«Основное содержание ПО ДНКР составляют нравственные идеалы, воплощенные в образах наших соотечественников, явивших своей жизнью лучшие примеры духовного подвижничества, социально значимого поведения» (с. 11).

Из выше процитированных фрагментов Проекта Концепции ясно видно, что его разработчики стремятся в этом блоке умолчать о главных вопросах религиозной культуры, замещая и вытесняя их абстрактными рассуждениями «с точки зрения вечности», о «героях», жизни, семье. Учитывая крайнюю заидеологизированность Проекта Концепции, имеются основания считать, что предложенный группой А.М. Кондакова перечень «героев» большинством населения страны не будет оцениваться таким же образом.

Практически во всем описании содержания третьего блока ничего не говорится о религиозной культуре, не предусматривается её изучение. Очевидно, что информирование о чем угодно, но только не о религиозной культуре, не может являться формой изучения религиозной культуры. Следовательно, налицо явная подмена содержания предмета «Православная культура».

Блок 4 раскрывает основной замысел разработчиков Проекта Концепции:

«Блок 4 (примерно – 8 часов)

Введение в национальную российскую духовную традицию.** Интеграция этических традиций (православная культура, исламская культура, иудейская культура, буддистская культура, этика) в национальную духовную традицию осуществляется через систему базовых ценностей, составляющих ядро национальной культуры: **религия, Отечество, семья.** Эти ценности выполняют функцию ценностно-смысловых переходов между содержанием разных предметов ПО ДНКР. **Диалоги, организуемые на основе этих ценностей, скрепляют разные этические традиции в единую духовную традицию.

К примеру, школьники, изучающие “Основы православной культуры”, рассматривают, как ценности, которые они прежде присваивали в контексте православия, раскрываются в других традиционных российских религиях, в этике. Учащиеся знакомятся с основами ислама, буддизма, иудаизма, этики в диалоге с православием; выявляют общее, особенное и

единичное в каждой из этических традиций; определяют значение всех традиционных религий в судьбе России. Учащиеся рассматривают, как ценности “Отечество” и “семья” раскрываются в исламе, буддизме, иудаизме, этике. Полученные знания расширяют, систематизируют, делают более осознанными те нравственно ориентированные знания, которые обучающийся получил прежде в избранном им курсе “Основы православной культуры”» (с. 14–15).

Из содержания процитированного фрагмента ясно, что четвертый (заключительный) блок учебного предмета предусматривает не продолжение изучения избранной школьниками и их родителями конкретной религиозной культуры. Обучающиеся будут принуждены изучать вперемешку все религиозные культуры, вошедшие в «предметную область “Духовно-нравственная культура России”, включенную в инвариантную часть базисного учебного плана общеобразовательной школы в экспериментальном режиме на период 2010–2011 гг.».

Следовательно, блок 4 содержательно будет представлять собой вульгарно-секуляристское религиоведение псевдонаучного характера, совершенно не востребованное российским обществом (во всяком случае, никаких подтверждающих обратное данных никогда не приводилось) и неуместное в начале пятого класса.

Более того, обучающиеся будут принуждаться *«выявлять общее, особенное и единичное в каждой из этических традиций»* (с. 15). Но это является ничем иным, как прямым и противоправным навязыванием религии несовершеннолетним детям без их согласия и согласия их родителей.

Важно отметить, что из 30 часов (2+12+8+8), отводимых авторами Проекта Концепции на изучение курса «Православная культура», только 12 часов предполагается отвести на изучение собственно православной религиозной культуры (40%). Акцентируем: всего 12 часов на весь период обучения в школе вообще!

Из описания четвертого блока также совершенно ясно видно, что авторы Проекта Концепции под предлогом изучения абстрактной *«единой духовной традиции»* намереваются целенаправленно формировать у школьников установку на культурно сниженное, релятивистское восприятие любой религиозной культуры и в частности – православной культуры. Искусственное смешение всех элементов *«единой духовной традиции»* и навязывание их интерпретации как полностью равнозначных и равно необходимых для воспитания каждого конкретного ребенка (невзирая на религиозные и иные убеждения его семьи и самого ребенка) направлены на принудительное обесценивание в сознании школьника той религиозной традиции, к которой принадлежит он и его семья.

Применительно к тем обучающимся, родители которых избрали для их изучения предмет «Этика», заложенный в Проекте Концепции подход полностью обесмысливает такой выбор курса нерелигиозной этики, учитывая, что и таким обучающимся, наряду со всеми остальными, знания о религиях все равно будут даваться, причем в достаточно большом объеме – при прохождении блоков 1 и 4 (суммарно – 12 часов!).

Сказанное дает необходимые и достаточные основания для вывода о том, что реализуемый Проектом Концепции подход, в действительности, полностью по существу отрицает всякий свободный выбор семьей школьника и самим школьником предмета для изучения в рамках предметной области «Духовно-нравственная культура России», включенной в инвариантную часть базисного учебного плана общеобразовательной школы в экспериментальном режиме на период 2010–2011 гг. Поскольку всем школьникам будут преподавать, по существу, одно и то же (в течение 60 % учебного времени предмета).

Даже те обучающиеся, родители которых выбрали для изучения ими предмета «Этика», будут в рамках этого предмета изучать иудаизм. Именно это следует из тех фрагментов текста исследуемого документа, где его авторы явно проговариваются: *«Риск интолерантности может возникнуть, когда педагог, ведущий, к примеру, светскую этику, начинает говорить не о ценностях и идеалах иудаизма, а о своем отношении к этим ценностям»* (с. 18).

Именно такой, показанный выше, подход авторами Проекта Концепции именуется обеспечивающим *«осмысленное духовно-нравственное развитие личности»* (с. 11). А его отрицание, надо полагать, позиционируется авторами Проекта Концепции как лишенное смысла духовно-нравственное развитие личности.

Однако такая позиция не имеет под собой никаких фактических и юридических оснований и обусловлена исключительно особенностями отстаиваемой авторами Проекта Концепции идеологии.

2. Подмена целей, заявленных Президентом России при принятии решения о введении преподавания в школе основ религиозных культур

Основные концептуальные положения Проекта Концепции, определяющие механизмы реализации и содержание предметов религиозной культуры, не соответствуют целям, которые были заявлены при принятии решения о введении преподавания в школе основ религиозных культур. Этот вывод подтверждается также выявленными несоответствиями наименований предметов

религиозной культуры (конкретных религиозных культур) и предмета «Этика» и описаниями их структуры и содержания в Проекте Концепции.

Следовательно, Проект Концепции преследует совершенно иные цели, отличные от заявленных целей инициативы Президента России Д.А. Медведева.

3. Подмена ценностно-мировоззренческих основ предметной области «Духовно-нравственная культура России» и предмета «Православная культура»

Существенными недостатками Проекта Концепции⁸⁴, обуславливающими его неприемлемость и непригодность и свидетельствующими о его идеологизированности, являются его ценностно-мировоззренческие основы. В исследуемом документе не закреплены чётко и структурно упорядоченные ценности (по их приоритетности), на основе которых предполагается реализовывать предметную область «Духовно-нравственная культура России». Анализ Проекта Концепции с точки зрения его ценностно-мировоззренческих основ позволяет определить его как эклектичную конструкцию семантически, жанрово-стилистически и аксиологически разнородных фрагментов, отношения между которыми не могут быть оценены как определенные, иными словами, это – эклектичная конструкция из разнородных фрагментов.

Проектом Концепции вводятся понятия: «*национального воспитательного идеала*» (с. 7), «*духовных идеалов*» (с. 8), «*системы базовых национальных ценностей*» (с. 7, 12). Но эти, явно требующие разъяснения своего смысла, понятия не получают ни каких-либо внятных определений, ни раскрытий их значений иными способами.

Многokrатно заявляется о «*духовной традиции России*» (с. 4, 7 и др.), «*национальной духовной традиции*» (с. 7, первый абзац), о «*духовной российской традиции*» (с. 19, последний абзац). Но не указывается никаких ценностно-мировоззренческих основ, не раскрывается содержание таких «*духовных традиций*», вследствие чего эти традиции остаются абстракциями, оторванными от религиозных и исторических корней народов России, их национально-культурных традиций.

⁸⁴ Как и в ранее представленной на ту же тему той же группой А.М. Кондакова «Концепции духовно-нравственного воспитания российских школьников» (приложение 2 к проекту федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования, разработанному «Институтом стратегических исследований в образовании» под руководством А.М. Кондакова, А.А. Кузнецова и Л.П. Кезиной).

Анализ Проекта Концепции позволяет обоснованно утверждать, что умалчивание в нём относительно конкретных религиозных или иных мировоззренческих основ пропагандируемых в этом документе «ценностей» и «духовности», а также использование неопределённых понятий, лексических конструкций, допускающих множество толкований, – всё это сделано намеренно, в целях сокрытия истинного содержания Проекта Концепции, его направленности на саботаж решения Президента Российской Федерации Д.А. Медведева о введении изучения в школах основ религиозной культуры (православной, мусульманской и др. культур).

О такой направленности исследуемого документа свидетельствует ряд особенностей его содержания, прежде всего – наличие ряда характерных, не «вычищенных» впоследствии, фрагментов текста исследуемого документа, где его авторы явно проговариваются относительно реального содержания предлагаемой ими модели духовно-нравственного воспитания школьников. Из таких фрагментов становится ясно, что под «*национальной духовной традицией России*» авторами исследуемого документа понимается механическая эклектика, мировоззренческая мешанина из разнородных религий. К примеру, заявляется: «*Содержание предметов ПО ДНКР отражает в пределах отведенного учебного времени, возрастных и образовательных возможностей обучающихся содержание российской национальной духовной традиции, включающей в себя традиционные религии: православие, ислам, иудаизм, буддизм, а также этику*» (с. 4, абзац 2).

Противопоставление этики и религиозных традиций исторически представленных в России религий, а также навязывание представлений (посредством подмены фактов субъективными мнениями разработчиков) о существовании некой единой мировоззренчески эклектичной национальной духовной традиции не имеют под собой никаких фактических оснований, не могут оцениваться как научно признанные факты или подходы.

Несмотря на то, что авторы Проекта Концепции специально делают оговорку: «*Национальная духовная традиция несовместима с унификацией содержания разных религий и этических учений*» (с. 7), в действительности, именно этому культурно сниженному, выхолащивающему «нивелированию» авторы Проекта Концепции целенаправленно способствуют. Вводится даже некое «*единое пространство духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся*» (с. 12).

Процитируем ещё одно высказывание аналогичного содержания: «*Это понятие преемственно к понятию “отечественная религиозно-культурная традиция”,*

включающей в себя православие, ислам, иудаизм, буддизм» (с. 4, сноска 2). Привязка к этому утверждению ссылки на выступления митрополита Кирилла является явной манипуляцией и призвана сформировать ложное мнение о том, что будто бы выстраиваемые авторами Проекта Концепции подходы находятся в полном соответствии с позицией и запросами Русской Православной Церкви, которую митрополит Кирилл возглавил, став Патриархом.

Следует также отметить, что делая мешанину из фрагментов религиозных традиций исторически представленных в России религий, авторы Проекта Концепции в очередной раз проговариваются о том, что конструируемая ими («актуализируемая» и «моделируемая» – в их лексике) новая «духовная традиция» России вовсе не исчерпывается только лишь мешаниной из этих религиозных традиций и даже «этикой», но есть нечто гораздо более широкое:

«Сама национальная духовность в многообразии и глубине составляющих ее религиозных и гуманистических традиций не исчерпывается предметной областью» (с. 8).

В этом смысле, весьма показателен следующий фрагмент Проекта Концепции, где его авторы явно проговариваются о своих планах относительно содержания предмета «Этика»: *«ПО ДНКР, представленная четырьмя традиционными культурно-религиозными отечественными традициями и гуманистической этикой, создает...»* (с. 11). Здесь авторы Проекта Концепции вполне откровенно заявляют о своих планах навязывания обучающимся идеологии т.н. «гуманизма» под видом этики.

Но общеупотребимое понятие гуманности (в том числе использование слова «гуманизм» в качестве синонима этого понятия) очень далеко по своему содержанию от гуманизма как идеологии (а именно в качестве таковой оно и употребляется в Проекте Концепции).

Для справки, идеологической программой «гуманизма» большинство его приверженцев признает «Гуманистический манифест 2000 “Призыв к новому планетарному гуманизму”»⁸⁵, пропагандирующий нетерпимость к существующим религиям, заявляющий о необходимости разрушения существующих нравственных систем ценностей и религиозных учений, как исчерпавших себя, но при этом пропагандирующий инцест, педерастию и легализацию однополых браков и прочие категорически неприемлемые абсолютным большинством российских граждан агрессивно аморальные, разрушительные для нашей страны установки. Следует также отметить, что Верховный Суд США, рассматривая дело Торкасо против Уоткинса (1961), признал светский

⁸⁵ Гуманистический манифест 2000 // «Кредо» (журнал Оренбургского регионального отделения Российского философского общества). – 2000. – № 20.

гуманизм формой религии: **«Среди исповедуемых в этой стране религий есть и такие, которые не проповедают традиционной веры в существование Бога. Это – буддизм, даосизм, этическая культура, светский гуманизм»⁸⁶.**

Авторы Проекта Концепции самочинно решают за всех детей, что им (детям) нужно, а что нет в их духовном воспитании. Решили, что для ребенка идеология авторов Проекта Концепции «имеет большое значение», значит, ребёнок будет это изучать.

Намеренно выхолащиваемой ими религиозной традиции авторы Проекта Концепции противопоставляют некую *«светскую духовную традицию»* (с. 5, 6, 7, 14 и др.). Но в действительности никакой светской духовной традиции в российском обществе не существовало и не существует.

Некорректное использование в Проекте Концепции в связи с понятием «духовная традиция» лексемы «светский», имеющей отношение к одной из основ конституционного строя, характеристике государственно-властных отношений, одному из принципов устройства и деятельности государства, является умышленной манипуляцией. Авторы Проекта Концепции навязывают ложное и примитивизированное, основанное на идеологии воинствующего атеизма, отождествление понятий «светский» и «нерелигиозный» (в смысле – подчеркнуто изолированный от религии).

Продуцируя искусственную, «смоделированную» авторами Проекта Концепции «духовную традицию России» (не просто не совпадающую с реально, исторически существующими духовными традициями народов России, но кардинально отличающуюся от них), авторы этого документа отмечает: *«ПО ДНКР способна актуализировать в содержании общего образования, смоделировать педагогическими средствами духовную традицию России»* (с. 6).

Социальный образовательный запрос состоит в том, что дети нуждаются в передаче им (в форме знаний) духовной традиции определенной конфессиональной принадлежности, востребованной в контексте и для духовно-нравственного и национально-культурного воспитания детей их семьями, либо в передаче детям знаний о нерелигиозной этике.

Не существует никакой необходимости чего-то там «моделировать» и «актуализировать». Большой многолетний опыт преподавания нерелигиозной этики накоплен в институтах Российской академии образования, опыт преподавания различных конфессиональных направлений религиозной культуры (православной культуры, культуры иудаизма, мусульманской культуры и т.д.) насчитывает почти два десятка лет в большом

⁸⁶ Берри Г.Дж. Во что они верят. – М.: Духовное возрождение, 1994. – С. 204.

количестве субъектов Российской Федерации. Но этот существующий опыт авторами Проекта Концепции отвергается, а взамен навязывается суррогатная, основанная на подменах и ценностно-содержательном подлоге искусственно сконструированная авторами Проекта Концепции иная *«духовная традиция России»*.

4. Подмена механизмов обеспечения адекватного преподавания предметов религиозной культуры на механизмы, заведомо провоцирующие конфликты

Авторы Проекта Концепции крайне безответственно, провокационно подходят к вопросу кадрового обеспечения преподавания основ религиозной культуры:

«В условиях эксперимента преподавать основы религиозных культур нередко будут учителя, воспитанные в советских школах и вузах в традициях воинствующего атеизма, или в вузах постсоветских, где не было никакого воспитания, но была абсолютная религиозная индифферентность. Внутреннее духовное состояние немалой части учителей не соответствует тому содержанию, которое им придется преподавать.»

Конфликт мировоззрений, в который будут втянуто немало учителей в процессе своей профессиональной деятельности, можно значительно смягчить. Во-первых, разработчики программ и учебников должны ориентироваться и на эту группу слабо подготовленных учителей. Мировоззренческое содержание предметов ПО ДНКР должно воспитывать не только школьников, но и их учителей, оно должно быть им интересно, побуждать мыслить, создавать ситуации равноправного учебного диалога взрослого и подростка. Во-вторых, администрация школ должна проявить особое внимание к кадрам. Недопустимо малейшее административное принуждение учителя к работе по экспериментальной программе» (с. 18).

Недопустимость принуждения учащихся просто игнорируется, говорится только о недопустимости принуждения учителей. При этом, как следует из Проекта Концепции, предполагается осуществлять принуждение детей к изучению невостребованных их семьями и ими самими религий и идеологий.

Не устанавливаются критерии, по которым преподаватель допускается или не допускается к преподаванию основ религиозной культуры, то есть применяется обычный формальный подход, совершенно не учитывающий особенности преподавания этих предметов. Более того, в Проекте Концепции не только допускается, но прямо указывается, что преподавать православную культуру или

исламскую культуру вполне может учитель, «*внутреннее духовное состояние*» которого «*не соответствует тому содержанию, которое ... придется преподавать*» (с. 18).

Обозначенные планы побуждают учителя к «**равноправному учебному диалогу**» с обучающимися (4 или 5 класса!) по поводу преподаваемого курса религиозной культуры (в качестве средства профилактики конфликта мировоззрений) не просто неубедительны, но являют собой откровенно ложное, смехотворное заявление.

Вызывает недоумение содержащееся на с. 18 заявление относительно запланированного содержания и направленности предмета «Этика»:

«Риск интолерантности может возникнуть, когда педагог, ведущий, к примеру, светскую этику, начинает говорить не о ценностях и идеалах иудаизма, а о своем отношении к этим ценностям. Это отношение может быть разным, но обучающиеся будут воспринимать его как общественно признанную ценность».

Но изначально предполагалось, что предмет «Этика» будет иметь не связанное с той или иной религиозной традицией содержание. Здесь же авторы Проекта Концепции совершенно ясно заявляют, что на уроках «Этики» дети будут изучать иудаизм. При этом ничего не говорится об изучении других религий (религиозных культур) на уроке «Этики».

Получается, что на уроках православной культуры дети будут изучать иудаизм, и на уроках «Этики» дети тоже будут изучать иудаизм.

Для чего авторы Проекта Концепции делают многократный акцент на изучении указанной религиозной культуры? Да еще и в качестве общеобязательной! Очевидно, что такие пропаганда и навязывание иудаизма не только не востребованы семьями школьников, не исповедующими эту религию, они просто резко воспротивятся такому давлению и навязыванию, посягательству на свободу совести и национально-культурную идентичность их детей. Такой подход вызовет протесты и неприятие самих иудаистов.

Указанными безответственными «новациями» авторы Проекта Концепции вызовут раздражение, спровоцируют межнациональные и межрелигиозные конфликты.

Авторы Проекта Концепции, не просто допускающие, но прямо оговаривающие, что в результате практической реализации их описываемого замысла возникнет «*конфликт мировоззрений, в который будут втянуто немало учителей в процессе своей профессиональной деятельности*», тем самым, умышленно провоцируют такие конфликты.

При этом характерно, что авторы Проекта Концепции осознают общественную опасность таких провоцируемых ими конфликтных

ситуаций, предвидят возможность или неизбежность наступления указанных общественно опасных последствий и, что еще более удивительно, желают их наступления, именно это и следует из Проекта Концепции.

Между тем, указанная проблема решается достаточно несложным путем – установлением обязательности согласования кандидатур преподавателей конкретных религиозных культур с соответствующими религиозными организациями. Именно так делается в большинстве стран Европы применительно к конкретным церквям и школьным курсам. Именно такова практика в Италии, Испании, Португалии, Германии и мн. др. странах.

Отмеченное выше свидетельствует о принципиальной особенности Проекта Концепции и принципиальной позиции её авторов: полное игнорирование и, следовательно, полное отрицание в этом документе необходимости и возможности утверждения (одобрения) Русской Православной Церковью кандидатур учителей православной культуры (а представителями других конфессий – кандидатур учителей соответствующих религиозных культур).

Весьма характерно и следующее заявление:

«Учителей, ведущих курсы ПО ДНКР, целесообразно объединить в особое методическое объединение. Работа этого объединения может включать: совместную разработку учебных программ и их содержания, творческие отчеты учителей о работе, проведение открытых уроков для родителей, других учителей и администрации и т.д.» (с. 19).

То есть допускается, что учебники православной культуры будут писаться учителями иудаизма и псевдо-светского «гуманизма». Ничего, кроме межрелигиозных конфликтов, такой замысел не повлечет.

Кроме того, Проектом Концепции абсолютно не предусматривается возможность (не говоря уже об очевидной необходимости) учитывать мнение представителей религиозных организаций по вопросам учебных программ, пособий и т.д. Следовательно, авторы Проекта Концепции считают возможным полностью игнорировать права и законные интересы верующих граждан, самочинно решая, как и чему будут учить в школах детей. Такая позиция разработчиков Проекта Концепции противоречит законодательству Российской Федерации, в т.ч. Закону РФ «Об образовании».

Приведенные выше анализ и выводы дают необходимые и достаточные основания для оценки Проекта Концепции как грубейшим образом нарушающего:

- статью 14 Конституции Российской Федерации, устанавливающую светскость Российского государства, и статью 28 Конституции, гарантирующую свободу совести и вероисповедания⁸⁷;

- пункт 4 статьи 2 Закона РФ «Об образовании», устанавливающий светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях: *«Государственная политика в области образования основывается на следующих принципах... светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях»*, а также дублирующий эту норму пункт 2 статьи 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»: *«В соответствии с конституционным принципом отделения религиозных объединений от государства государство... обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях»*;

- пункт 5 статьи 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» о запрете вовлечения в религиозные объединения малолетних вопреки их воле и без согласия их родителей или лиц, их заменяющих;

- пункт 1 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», устанавливающего в качестве целей государственной политики в интересах детей содействие физическому, интеллектуальному, **психическому, духовному и нравственному развитию детей**; пункт 1 статьи 14 «Защита ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию» указанного Федерального закона, устанавливающего, что органы государственной власти Российской Федерации принимают меры **по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию**, в том числе от распространения продукции, пропагандирующей антиобщественное поведение (именно так и следует оценить обозначенные выше установки идеологии «гуманизма»).

⁸⁷ Согласно пункту 6.4 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 38 от 22.06.2001 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи», органам прокуратуры предписано *«обеспечить надзор за соблюдением конституционного принципа светского характера образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, прав несовершеннолетних и молодежи на свободу совести и вероисповеданий»*.

Помимо этого, **исследуемый Проект Концепции грубейшим образом нарушает свободу вероисповедания обучающихся** (статья 28, Конституции Российской Федерации; статья 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»), а также **грубейшим образом нарушает права родителей (законных представителей) обучающихся этих образовательных учреждений**, а именно:

- **преимущественное право родителей на нравственное воспитание и охрану здоровья собственных детей** (пункт 4 статьи 18 Международного Пакта о гражданских и политических правах⁸⁸; пункт 3 статьи 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах⁸⁹; статья 5, пункт 2 статьи 14, пункт 1 статьи 18 Конвенции о правах ребенка⁹⁰; часть 2 статьи 38 Конституции Российской Федерации; пункт 1 статьи 63 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ (с послед. изменениями), части 2 статьи 5 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»);

- **право родителей на выбор воспитания и образования для своих малолетних детей** (часть 3 статьи 26 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 г.; часть 3 статьи 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 г.; часть 4 статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г.; статья 5 Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений от 25.11.1981 г.; пункт «b» части 1 статьи 5 Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования от 14.12.1960 г.; статья 2 Протокола № 1 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 20.03.1952 г.; часть 2 статьи 5 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»; часть 1 статьи 52 Закона РФ «Об образовании»);

- **право на защиту законных прав и интересов своего ребенка** (пункт 1 статьи 52 Закона РФ «Об образовании»; часть 1 статьи 64 Семейного кодекса Российской Федерации; часть 2 статьи 7 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 № 124-ФЗ);

⁸⁸ Принят и открыт для подписания, ратификации и присоединения Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966. Вступил в силу 23.03.1976.

⁸⁹ Принят и открыт для подписания, ратификации и присоединения Резолюцией 2200 А (III) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966. Вступил в силу 03.01.1976.

⁹⁰ Принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения Резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1989. Вступила в силу 02.09.1990. Конвенция подписана СССР 26.01.1990, ратифицирована ВС СССР 13.06.1990. Ратификационная грамота сдана на хранение Генеральному секретарю ООН 16.08.1990.

- право на участие в управлении образовательным учреждением (пункт 1 статьи 52 Закона РФ «Об образовании»).

Выявленные в Проекте Концепции способы прикрытия наиболее существенных концептуальных недостатков этого документа и предлагаемой им системы

Обращает на себя внимание изобилие в документе многократно повторяемых патетических восклицаний, например:

«Лишенное сознания ценности собственных традиций, оно теряет смыслы и силы, а содержание традиций – материальный и духовный труд предшествующих поколений – превращается в предмет корыстного интереса и подвергается общественному уничтожению. Вне традиции общество перестает быть нацией» (с. 6)⁹¹;

«Восстановление традиций ...; их передача следующим поколениям – важнейшее условие устойчивого и эффективного развития России» (с. 6);

«Но невыносимо более безучастно наблюдать, как под шум разномастных свобод и во имя абстрактных общечеловеческих ценностей и идеалов отравляют душу народа. Зло не победить злом, всякое насилие приводит к еще большему насилию. Тьма исчезает, когда появляется свет. Зло присутствует в мире только потому, что в нем нет или слишком мало добра, любви, духовности» (с. 20).

Сопоставление различных частей Проекта Концепции показывает, что все эти пафосные декларации, явно расходящиеся по своей сути с содержанием Проекта Концепции, призваны замаскировать основные, наиболее существенные концептуальные недостатки этого документа и предлагаемых в нём механизмов реализации выше обозначенной инициативы Президента России. Предпринимается попытка замаскировать также и наиболее значимые недостатки, определяющие всё содержание как обозначенного эксперимента в целом, так и содержание «предметной области «Духовно-нравственная культура России», включенной в инвариантную часть базисного учебного плана общеобразовательной школы в экспериментальном режиме на период 2010–2011 гг.», а главное – содержание учебного предмета «Православная культура».

На достижение этой же цели направлено явно избыточное и неуместное переполнение Проекта Концепции длинными текстовыми фрагментами, явно выпадающими по своим стилистическим и жанровым особенностям из контекста исследуемого документа

⁹¹ Видимо, цитата из обозначенной в сноске 3 Проекта Концепции публикации, – прим. авт. настоящего заключения.

(например, второй – четвертый абзацы параграфа 1 на с. 4–5; практически весь параграф 2 на с. 8–11 и др.).

Для целей маскирования наиболее существенных недостатков исследуемого документа и предлагаемой им системы в нём используются и заведомо ложные утверждения.

Приведем лишь один пример из множества. Так, заявляется: *«Задачи ПО ДНКР: 1. приобщение младших подростков к традиционным морально-нравственным идеалам, ценностям, моральным нормам; 2. развитие представлений младшего подростка о значении нравственности и морали для достойной жизни личности, семьи, общества; 3. формирование начальных представлений о российской духовной традиции, включающей знание, понимание и принятие обучающимися общего, особенного и уникального в каждой из традиционных религий и этике, основанное на отечественных культурных традициях; 4. формирование представлений о традиционных религиях в России, их истории, современном состоянии, значении для жизни человека, общества, народа, России; 5. укрепление ценностно-смысловой, содержательной, методической преемственности между ступенями начального и основного общего образования; 6. смягчение негативных последствий кризиса младшего подросткового возраста»* (с. 12).

В действительности, процитированные привлекательные задачи мало достижимы или вообще недостижимы при практической реализации Проекта Концепции. В частности, совершенно очевидно, что противоправное навязывание несовершеннолетним мешанины из различных религий и идеологий никоим образом не способно смягчить какие бы то ни было психологические проблемы переходного возраста. С таким же успехом авторы Проекта Концепции могли заявить, что ее внедрение поможет бороться с колорадским жуком.

Наличие в Проекте Концепции откровенно абсурдных высказываний

Существенным недостатком Проекта Концепции, свидетельствующим о ее крайней непроработанности и нежизнеспособности, об искусственности и надуманности её оснований, является терминологическая несогласованность, постоянная путаница в применении терминов. Проект Концепции написан крайне небрежно, с нарушениями правил русского языка, элементарной логики, а зачастую – и здравого смысла.

Например, авторы Проекта Концепции пишут: **«ПО ДНКР призвана обобщить, систематизировать, концептуализировать**

процессы духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся» (с. 4).

Лишенные какого-либо здравого смысла словосочетания, типа «*концептуализации процессов*», переполняющие Проект Концепции, призваны обеспечить наукообразие этого документа.

Приведем ещё некоторые примеры лишённых здравого смысла текстовых конструкций: «*многомерное человекообразное пространство*» (с. 11), «*придание образовательному процессу человекообразного измерения*» (с. 12), «*присваивать культуру как многомерное человекообразное пространство*» (с. 11).

Встречаются и более сложные утверждения, так же псевдонаучные по форме и абсурдные по содержанию. К примеру, на с. 5 говорится: «*Традиция, как передача человеку того, что не создано им, но значимо для него, есть фундаментальная константа бытия. Органическая жизнь насквозь традиционна: человек получает свое тело, саму жизнь от других, его питание, дыхание, общение есть получение значимого, но не им созданного плода земли, воздуха, слова; взрослея, человек передает полученную им от родителей органическую жизнь своим детям*».

Использование подобного рода явно выбивающихся из нормы, с точки зрения научного знания и правил русского литературного, научного или/и официального языка, текстов и лексики преследует вполне определенные коммуникативные цели определения «свой – чужой». Одновременно, этот своеобразный «новояз» навязывается авторами Проекта Концепции в качестве будто бы глубокомысленных умозаключений, бесспорных фактов и т.д., реализуя своеобразный защитный механизм превентивного противодействия возможной критике документа. Поскольку крайне сложно спорить с оппонентом, использующим не ясные и научно обоснованные аргументы, а идеологические лозунги и бессмысленные наборы слов.

Выводы.

Проект «Концепции предметной области «Духовно-нравственная культура России», включенной в инвариантную часть базисного учебного плана общеобразовательной школы в экспериментальном режиме на период 2010–2011 гг. (4 четверть 4 кл. – 1 четверть 5 кл.)», подготовленный группой А.М. Кондакова, заидеологизирован, представляет собой грубейшую подмену сути решения Президента Российской Федерации Д.А. Медведева о введении изучения в школах основ религиозной культуры (православной, мусульманской и др. культур).

Указанный проект полностью противоречит законным интересам и социальному образовательному запросу православного

населения России (части населения страны, выражающей принадлежность или предпочтительное отношение к православному христианству), желающего, чтобы их дети получали в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях знания о православной культуре, и грубейшим образом посягает на свободу совести обучающихся и их родителей.

В случае принятия и внедрения указанного проекта в образовательный процесс государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений, это неминуемо повлечет за собой массовые протесты родителей, детям которых будет под видом конкретной религиозной культуры навязываться идеологизированный педагогический суррогат, а также может спровоцировать межнациональные и межрелигиозные конфликты.

* * *

Понкин И.В. О ситуации, связанной с исполнением решения Президента Российской Федерации Д.А. Медведева о введении изучения в школах основ религиозной культуры⁹²

Анализ ситуации, сложившейся в связи с исполнением решения Президента Российской Федерации Д.А. Медведева от 21 июля 2009 года о введении изучения в школах основ религиозной культуры, позволяет говорить о наличии серьезных препятствий, в т.ч. сознательного противодействия ряда представителей Минобрнауки РФ реализации указанного решения.

1. Идеологическая подоплека противодействия

Причиной противодействия реализации указанного решения главы государства является конфликт интересов православной части населения России и группы идеологически ангажированных чиновников Минобрнауки России, которым свойственно неприязненное отношение и нетерпимость к Русской Православной Церкви, в результате чего, по существу, дискриминируются православные граждане страны. Этот конфликт развивается уже в течение нескольких лет по вопросу о добровольном изучении в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях православной культуры (и иных религиозных культур исторически представленных в России религий).

Многолетнее противоправное препятствование добровольному изучению православной культуры в школах со стороны ряда руководящих чиновников Минобрнауки России обусловлено их идеологической предвзятостью. Имеется много подтверждающих это фактов.

Так, замминистра образования и науки И.И. Калина в подписанном им Письме Минобрнауки России от 15.03.2007 № 03-519 требовал формировать у школьников «*планетарное сознание*» (известный постулат ряда оккультных сект), а также рекомендовал использовать «для обучения правам человека» пособие «Права человека» (изд-во «Русское слово»), формирующее оскорбительный

⁹² **Понкин Игорь Владиславович** – заместитель председателя Комиссии по защите прав ребенка и других участников образовательного процесса Общественной палаты по образованию в городе Москве. Статья посвящена вопросам правового регулирования изучения религиозной культуры в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях.

Ключевые слова: образовательное право; федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования; религиозное образование; изучение религиозной культуры; свобода совести.

Материал от 18.09.2009.

образ православных граждан и возбуждающее вражду к православным, к примеру, в следующем фрагменте: *«Школа учит одному, семья же – совсем другому. Или школа заставит мальчика отказаться от Бога, или семья сделает из него святошу. В наше время середины быть не может. А пока будет идти спор, два жернова могут перемолоть, перекалечить жизнь ребенку. Пусть родители веруют, как хотят и во что хотят, но не портят мальчику будущего. Его будущее принадлежит не только им. Волей или неволей они становятся преступниками перед обществом»* (с. 112–113).

Начальник Департамента Минобрнауки России И.М. Реморенко в своих публичных выступлениях (*«Разное управление для разного образования»*, *«Идеологический дурман образовательных документов»*, *«Потерянное управление»*, опубликованных также в Интернете⁹³) выступал против формирования в школе у обучающихся уважительного отношения к своей стране, Конституции России, Государственному флагу и Государственному гербу Российской Федерации.

Министр А.А. Фурсенко отличился тем, что создаёт особые преференции пособию *«Религии мира: история, культура, вероучение. 10–11 кл.»* под ред. А.О. Чубарьяна, пропагандирующему и навязывающему школьникам социально опасные религиозные секты саентологии, Блаватской, «Свидетелей Иеговы» и неоиндуистские секты (с. 383–384). И это далеко не весь перечень свидетельств явной идеологической ангажированности этих чиновников.

2. Направления действий противников инициативы Президента в целях ее саботажа и полного блокирования

В настоящее время группа высокопоставленных чиновников Минобрнауки России извращает принятое и озвученное 21 июля с.г. решение Президента Российской Федерации Д.А. Медведева о введении изучения в школах основ религиозной культуры (православной, мусульманской и др. культур), стремится подменить суть инициативы и механизма ее реализации, совместно выработанных и согласованных Президентом Российской Федерации и Русской Православной Церковью (и другими религиозными организациями) и отвечающих сложившемуся социальному

⁹³ К примеру, см.: *Реморенко И.М.* Разное управление для разного образования. СПб-М., 2005; *Реморенко И.М.* Идеологический дурман образовательных документов // <http://upr.1september.ru/2002/48/3.htm>; <http://www.eurekanet.ru/ewww/info/581.html>; *Реморенко И.М.* Потерянное управление // <http://setilab.ru/modules/article/view.article.php/199>.

образовательному запросу⁹⁴ православного населения России. Это осуществляется посредством направления («канализирования») реализации инициатив Президента в русле, отвечающем собственным узким идеологическим интересам группы чиновников (в числе которых мотивация нетерпимости к православному христианству).

Ситуация усугубляется тем, что информация о ходе исполнения Минобрнауки России вышеуказанных поручений Президента России тщательно скрывается от общественности, что позволит поставить ее в дальнейшем уже перед фактом принятых решений, обжалование и обратное «отыгрывание» которых будет крайне затруднительно или невозможно.

Анализ деятельности и выступлений представителей руководства Минобрнауки России в последние 2 месяца позволяет выявить следующие **направления искажения и «канализирования» инициативы Президента в целях ее саботажа и, в конечном итоге, полного блокирования.**

2.1. Принудительное «ужимание» практики преподавания православной культуры в школах (до настоящего времени реализовывавшейся в различных классах – от первого до одиннадцатого, в самых разных сочетаниях) **до совершенно нереального времени изучения – 1–2 четвертей одного класса (максимум – еще одного, следующего) в течение всего периода школьного образования (!)** якобы в целях федерального эксперимента, который в дальнейшем *«распространится на все классы»*.

Реально, православной общественности навязывается сведение реализации курсов православной культуры исключительно к концу 4 класса. Об этом уже не раз публично заявлял министр А.А. Фурсенко. Представленный его заместителем И.И. Калиной в начале августа руководству Русской Православной Церкви проект документа «Базисный учебный план...» из пакета принятого Минобрнауки России за основу проекта федерального государственного образовательного стандарта **начального общего образования** (ФГОС НОО) проекта группы А.М. Кондакова предусматривает, что учебный курс «Духовная культура народов России» (включающий в качестве модуля «Православную культуру») *«изучается в 4 классе во втором полугодии в объеме 1 часа в неделю или в 4-ой четверти в объеме 2-х часов в неделю»* (с. 6) (изъятых, судя по материалам группы А.М. Кондакова, скорее всего, из преподавания русского языка).

⁹⁴ Сложившимся требованиям населения России или крупных социальных групп к содержанию образования их детей.

Как заявил министр образования и науки Российской Федерации А.А. Фурсенко: «Эксперимент по преподаванию основ религиозной культуры и светской этики планируется начать в последней четверти наступающего учебного года в 18 регионах страны. Эксперимент будет проводиться для учеников четвертых классов»⁹⁵; «На период эксперимента предмет будет включен в региональный компонент учебного плана. Нигде вводиться за счет базовой части образовательной программы он не будет. В обязательную программу «Духовно-нравственное воспитание» должно войти через три года»⁹⁶.

Как заявил директор Департамента госполитики в образовании Минобрнауки России И.М. Реморенко: «Преподавание комплексного учебного курса планируется проводить в течение двух четвертей общеобразовательной школы: в 4-м классе (IV четверть) и в 5 классе (I четверть)»⁹⁷. По его словам, «во исполнение поручения Президента России Дмитрия Медведева Министерство образования и науки Российской Федерации подготовило проект распоряжения Правительства России, предусматривающий организационные меры по апробации в субъектах Российской Федерации комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики»»⁹⁸.

При этом в выступлениях Президента России на совещании по вопросам преподавания в школах основ религиозной культуры и этики 21 июля 2009 г. вполне обоснованно не давались детальные предписания относительно порядка проведения «эксперимента» – введения изучения православной культуры и альтернативных предметов. Не было сказано и то, что эти предметы должны изучаться всего лишь несколько месяцев в четвертом классе, либо частично (лишь 1–2 четверти) в четвертом и пятом классах.

Руководствуясь принципом «за 4 года или падишах, или ишак умрет», всё чаще звучащим в кулуарах Минобрнауки в связи с инициативой Президента России, чиновники Минобрнауки необоснованно сводят реализацию изучения православной культуры

⁹⁵ Переподготовка учителей по курсу «Духовно-нравственное воспитание» начнется зимой // <http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=news&div=31822>. – 01.09.2009.

⁹⁶ В школах 18 регионов России в порядке эксперимента появится новый предмет «Духовно-нравственное воспитание» // <http://www.ami-tass.ru/article/53838.html>. – 01.09.2009.

⁹⁷ Заявление Пресс-службы Министерства образования и науки Российской Федерации «Об апробации комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики»» // <http://mon.gov.ru/press/reliz/5660/>. – 01.09.2009.

⁹⁸ Заявление Пресс-службы Министерства образования и науки Российской Федерации «Об апробации комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики»».

к последней четверти четвертого класса, без продолжения в последующих классах. Заявления И.И. Калины и А.М. Кондакова в августе–сентябре 2009 г. дают все основания для такого вывода.

Отведение столь ничтожно, нереально малого учебного периода в ФГОС НОО (и в целом в общеобразовательной школе) на реализацию инициативы Президента России полностью дискредитирует ее, является, по существу, способом заблокировать изучение основ религиозной культуры в школе, поскольку проект федерального государственного образовательного стандарта **основного общего** образования (для 5–9 классов общеобразовательной школы) планируется к разработке не ранее, чем к 2012–2013 гг. Следовательно, возможность предметно обсуждать и закрепить правовые и методические основы введения таких курсов и предметов в пятом и более старших классах объективно появится только через несколько лет. Однако правовые возможности изучения религиозной культуры в рамках вариативной части стандарта были исключены в законодательстве об образовании ещё в декабре 2007 г., вследствие чего сегодня в регионах ликвидируется существовавшая положительная 17-летняя (!!!) практика преподавания таких курсов.

При этом руководству Русской Православной Церкви внушается, что будто бы это только временно предусмотрена организация курса в конце четвертого класса, а в дальнейшем планируется продолжение курса в 5 и в последующих классах.

Имеются все основания считать, что чиновники Минобрнауки России банально лгут, как лгали осенью 2007 года, когда протаскивали законопроект, ликвидировавший региональный и школьный компоненты стандарта. Никакого продолжения не планируется.

Очевидно также, что введением изучения православной культуры лишь в конце четвертого класса невозможно заменить практику изучения православной культуры в течение многих лет (как это делалось до настоящего времени), и такое решение не отвечает сложившемуся социальному образовательному запросу православного населения России.

В начале сентября 2009 г. был представлен очередной документ из множества документов в составе «проекта стандарта» группы А.М. Кондакова – проект «Концепции предметной области “Духовно-нравственная культура народов России”, включенной в инвариантную часть базисного учебного плана общеобразовательной школы в экспериментальном режиме на период 2010–2011 гг. (4 четверть 4 кл. – 1 четверть 5 кл.)»⁹⁹, из названия которого следует

⁹⁹ Заявлен как проект от 7 сентября 2009 г. Авторы – А.М. Кондаков и др. участники написания указанного выше проекта ФГОС НОО.

подтверждение сказанного выше относительно преподавания религиозной культуры в четвертом классе лишь в четвертой четверти.

На странице 3 указанного документа сказано: «*В течение 2010 – 2011 гг. преподавание учебных предметов, входящих в ПО ДНКНР, осуществляется в 18 субъектах Российской Федерации в экспериментальном режиме в 4 четверти 4 кл. и 1 четверти 5 кл.*».

О пятом классе можно говорить применительно к этой концепции, как уже было отмечено выше, только после готовности федерального государственного образовательного стандарта **основного общего** образования (для 5–9 классов общеобразовательной школы).

2.2. Обременение епархий Русской Православной Церкви юридически и фактически необоснованными требованиями как условие реализации преподавания православной культуры в школах

Уже неоднократно звучали заявления чиновников Минобрнауки России о том, что в федеральный эксперимент войдут только те регионы, в которых Русская Православная Церковь сможет помочь другим религиозным организациям сформировать свои модули и организовать общую работу над содержанием.

Такое требование следует признать неправомерным и несправедливым.

2.3. Создание условий и требований к содержанию и реализации курса православной культуры, которые будут побуждать православные семьи отказываться от посещения их детьми указанного учебного курса.

2.3.1. Установление требований к учителям, не удовлетворяющих социальному образовательному запросу православных граждан

Неоднократно высказанная высокопоставленными сотрудниками Минобрнауки России позиция о том, что православная культура будет преподаваться в школах только при условии ознакомления учителей православной культуры с содержанием курсов исламской культуры, культуры буддизма, культуры иудаизма, нерелигиозной этики (в объеме полного прохождения курсов повышения квалификации), подтверждает известные планы руководства Минобрнауки России. Планы, состоящие в том, что в школе будет один учитель-«многостаночник», который и станет преподавать и православную культуру, и культуру ислама, и прочие религиозные культуры. Чисто технически это сделать несложно: можно ставить уроки религиозной культуры по разным дням

(последним уроком). И тогда «многостаночник» будет преподавать православную культуру, к примеру, по понедельникам, культуру иудаизма – по вторникам, и т.д. Совершенно отсутствуют требования, связанные с отношением учителя к преподаваемому курсу: он может быть агрессивным поклонником атеизма или проявлять ненависть и нетерпимость к православному христианству и православным верующим (как А.И. Адамский или В.Л. Гинзбург), быть приверженцем «валеологии» и «планетарного сознания» (как И.И. Калина), или даже быть сатанистом.

Это подтверждается также и заявлением руководства Минобрнауки России о том, что планируется разработать и издать «Книгу для учителя», включающую под одной обложкой все конфессиональные и мировоззренческие модули.

Следует отметить, что министр образования и науки Российской Федерации А.А. Фурсенко уточнил, что речь идет не о привлечении уже имеющихся в регионах педагогов (большого числа высококвалифицированных учителей, имеющих длительный позитивный опыт преподавания православной культуры), а о массовой кампании самостоятельного (без участия, а точнее – с изоляцией Русской Православной Церкви) перепрофилирования учителей обществознания, историков, филологов в «учителей православной культуры»: *«Предмет будут преподавать светские педагоги, скорее всего историки, русисты, возможно, учителя обществознания. Думаю, что к зимним каникулам мы уже разработаем программу их переподготовки»*¹⁰⁰.

Такой подход означает полное отстранение Русской Православной Церкви от участия в одобрении (согласовании) кандидатур учителей православной культуры. Тогда как такое участие Церкви вполне соответствует европейскому опыту организации подобных учебных курсов в школе, но главное – объективно обусловлено гарантиями свободы вероисповедания, соображениями недопущения возбуждения религиозной вражды и унижения человеческого достоинства граждан по признаку отношения к религии.

Именно поэтому руководством Минобрнауки России принято решение о проведении федерального эксперимента в тех регионах, в которых нет основательно развитой практики преподавания православной культуры.

Далее. Пресс-служба Министерства образования и науки Российской Федерации уточнила: *«В конце 2009 – начале 2010 годов во всех регионах-участниках эксперимента будет проведено*

¹⁰⁰ Переподготовка учителей по курсу «Духовно-нравственное воспитание» начнется зимой // <http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=news&div=31822>. – 01.09.2009.

повышение квалификации учителей, участвующих в апробации проекта»¹⁰¹. Совершенно ясно, что невозможно подготовить за 2–3 месяца квалифицированного учителя православной культуры (при том, что новый учебник по православной культуре, создаваемый в рамках реализации инициативы Президента, как заявляется, будет подготовлен только к 2012 году).

Очевидно также, что такие организация и содержание обсуждаемого учебного курса принципиально не могут удовлетворить православных граждан России, которые практически со стопроцентной вероятностью станут отказываться от изучения их детьми курса якобы «православной культуры», представляющего собой смесь православия с иудаизмом или индуизмом, либо (что более вероятно) оккультно-религиозный бред, выдаваемый учителем за знания о православном христианстве (таких фактов достаточно много уже сейчас, в частности, при преподавании предмета мировой художественной культуры). Результатом описанного подхода Минобрнауки станут вполне закономерные и ожидаемые **массовые отказы** православных семей от изучения их детьми такого курса. Это приведет к определенной дискредитации Русской Православной Церкви.

2.3.2. Навязывание учебных пособий и программ, противоречащих социальному образовательному запросу православных граждан и посягающих на свободу совести обучающихся и права их родителей

В представленной группой А.М. Кондакова «Концепции предметной области “Духовно-нравственная культура народов России”, включенной в инвариантную часть базисного учебного плана общеобразовательной школы в экспериментальном режиме на период 2010–2011 гг. (4 четверть 4 кл. – 1 четверть 5 кл.)»¹⁰² на страницах 11–12 совершенно четко закреплено требование изучать в качестве элемента курса православной культуры мировоззренческую кашу из множества иных религий. Следовательно, школьникам вновь противоправно навязывается вульгарно-секуляристский (по существу – атеистический) учебный курс.

Этот вывод подтверждается и содержанием представленного группой А.М. Кондакова в сентябре 2009 года документа «Примерная программа по духовно-нравственной культуре России», свидетельствующего о том, что вместо изучения православной

¹⁰¹ Заявление Пресс-службы Министерства образования и науки Российской Федерации «Об апробации комплексного учебного курса “Основы религиозных культур и светской этики”» // <http://mon.gov.ru/press/reliz/5660/>. – 01.09.2009.

¹⁰² Заявлен как проект от 7 сентября 2009 г. Авторы – А.М. Кондаков и др. участники написания указанного выше проекта ФГОС.

культуры детям будет навязываться изучение именно вульгарно-секуляристского «религиоведения» псевдонаучного характера.

Например, в качестве одной из задач курса обозначено: *«понимание и принятие обучающимися общего, особенного и уникального в каждой из традиционных религий и этике, основанной на отечественных культурных традициях»* (с. 2 указанного документа).

При этом задуманная группой А.М. Кондакова структура курса выглядит в общих чертах следующим образом:

«Курс состоит из 4 тематических блоков

Четвертая четверть 4 класса (14 часов).

Тематический блок 1 (примерно – 2 часа), общий для всех 6 модулей – “Нравственность в жизни человека и общества”.

Тематический блок 2 (примерно – 12 часов) разделяется на модули – “Введение в православную культуру”, “Введение в исламскую культуру”, “Введение в иудейскую культуру”, “Введение в буддистскую культуру”, “Основы этики”, “Традиционные религии”

Первая четверть 5 класса (16 часов)

Тематический блок 3 (примерно – 8 часов) разделяется на модули – “Православие в России”, “Ислам в России”, “Иудаизм в России”, “Буддизм в России”, “Нравственные подвиги россиян”, “Традиционные религии в России”.

Тематический блок 4 (примерно – 8 часов) – “Введение в духовную традицию России” организуется посредством интеграции содержания модулей на основе трех базовых национальных ценностей – религия, Отечество, семья» (с. 3–4 документа *«Примерная программа по духовно-нравственной культуре России»*).

Очевидно, что введение такого учебного курса совершенно не соответствует реально существующему социальному образовательному запросу, противоречит вышеозначенному решению Президента Российской Федерации Д.А. Медведева, а главное – грубейшим образом посягает на свободу совести детей и целый комплекс прав их родителей. Но руководство Минобрнауки России игнорирует этот очевидный факт.

Следует также отметить, что в навязываемых сегодня группой А.М. Кондакова и руководителями Минобрнауки России программах обращает на себя внимание постоянное применение манипулятивного приёма подмены смысла ряда понятий, в частности использование слова «светская» вместе со словом «этика».

Это выявляет полное непонимание указанными лицами действительного содержания понятия «светский» и намеренное идеологическое искажение ими сути этого понятия, не имеющего никакого отношения ни к вульгарно-атеистическим, секуляристским

курсам т.н. «религиоведения» («История религий России» и т.п.), ни к курсам этического содержания, не связанным с религиозными ценностями. Понятие «светский», имеющее отношение к одной из основ конституционного строя, характеристике государственно-властных отношений, одному из принципов устройства и деятельности государства, совершенно искусственно и необоснованно переносится на предмет, к которому оно не имеет никакого отношения (учебный курс этики), создавая сочетание несочетаемого и навязывая ложное и примитивизированное, основанное на идеологии воинствующего атеизма, отождествление понятий «светский» и «нерелигиозный» (в смысле – подчеркнуто изолированный от религии).

Относительно всего сказанного выше считаем важным подчеркнуть, что в настоящее время И.И. Калина стремится осуществлять «обработку» ответственных лиц Русской Православной Церкви в целях «проталкивания», навязывания вышеуказанных искажений инициативы Президента Российской Федерации.

3. Отсутствие в настоящее время правовых возможностей продолжения преподавания православной культуры в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях вне пределов обозначенного «эксперимента»

Следует отметить, что в настоящее время полностью отсутствуют правовые возможности для продолжения преподавания православной культуры в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях вне пределов обозначенного «эксперимента».

Региональный и школьный компоненты государственных образовательных стандартов были ликвидированы изменениями, внесенными в Закон Российской Федерации «Об образовании» Федеральным законом от 01.12.2007 № 309-ФЗ. Этими изменениями был ликвидирован региональный компонент государственного образовательного стандарта, изменены понятие и структура государственного образовательного стандарта, но, по существу, оставлен школьный компонент (при изменении его наименования, понятия, содержания и процедуры формирования), который был трансформирован в часть основной образовательной программы, «формируемую участниками образовательного процесса». Эта часть основной образовательной программы, как следует из нормы указанного Закона Российской Федерации, самостоятельно формируется образовательным учреждением и другими участниками образовательного процесса на уровне образовательного учреждения. Подпункт 1 пункта 4 статьи 7 Закона Российской Федерации «Об

образовании» (в действующей редакции), устанавливающий (помимо обязательной части основной образовательной программы) «часть основной образовательной программы, формируемую участниками образовательного процесса», по сути, в новой форме закрепляет частичную вариативность основной образовательной программы.¹⁰³

Однако предоставляемые действующей редакцией Закона РФ «Об образовании» указанные правовые возможности реализовывать курсы православной культуры в рамках **части основной образовательной программы, формируемой участниками образовательного процесса**, сводятся на нет, полностью блокируются положениями проекта нового федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования, разработанного коллективом под руководством академика РАО А.А. Кузнецова и члена-корреспондента РАО А.М. Кондакова, ныне взятого Минобрнауки России за основу указанного стандарта при его разработке и планируемом утверждении. Это связано с тем, что указанный проект стандарта де-факто ликвидирует урочную (в первой половине учебного дня) часть основной образовательной программы, формируемую участниками образовательного процесса, сводя ее к внеурочным занятиям во второй половине дня. Но это полностью обесмысливает всякие усилия по организации и осуществлению курсов православной культуры.¹⁰⁴

¹⁰³ Подробнее см.: Заключение Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, проф. кафедры конституционного и муниципального права России Московской государственной юридической академии, д.ю.н., проф. Н.А. Михалёвой, зам. председателя Комиссии по защите прав ребенка и других участников образовательного процесса Общественной палаты по образованию в городе Москве, д.ю.н. И.В. Понкина от 17.12.2007 о правовых основаниях продолжения реализации учебных курсов религиозной культуры и национально-культурного образования, ранее преподававшихся в рамках регионального компонента и компонента образовательного учреждения государственного стандарта общего образования. Доступно по адресу: www.moral-law.ru.

¹⁰⁴ См.: 1. Заключение зав. кафедрой экономики МГЮА, д.э.н., проф., в 2001–2004 гг. – заместителя министра образования РФ Л.С. Гребнева, зав. кафедрой конституционного и муниципального права РУДН, д.ю.н., проф., заслуж. юриста РФ, председателя Комитета по образованию и науке Государственной Думы IV-го созыва В.В. Гребенникова, зам. председателя Комиссии по защите прав ребенка и других участников образовательного процесса Общественной палаты по образованию в городе Москве, д.ю.н. И.В. Понкина от 22.04.2009 по содержанию и направленности проекта федерального государственного образовательного стандарта общего образования (начальное общее образование), разработанного коллективом под руководством академика РАО А.А. Кузнецова и члена-корреспондента РАО А.М. Кондакова. 2. Заключение д.ю.н. И.В. Понкина по проектам федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования, опубликованным на официальном сайте

Таким образом, для продолжения существующей 17-летней практики преподавания православной культуры в российских государственных и муниципальных школах (с 1 по 11 классы, в различных комбинациях классов), охватывающей, по данным специального доклада Общественной палаты Российской Федерации, на 2006 год 500–600 тысяч обучающихся (добровольно, с согласия их самих и их родителей), после принятия нового стандарта не будет никаких юридических оснований, и, соответственно, такая практика будет вполне ожидаемо и закономерно объявлена незаконной. Отдельные очаги преподавания православной культуры в школах будут сохранены лишь до первого же представления прокуратуры о недопустимости нарушения законодательства Российской Федерации.

Объявленный Минобрнауки России эксперимент предполагается начать через год или даже через несколько лет, с тем, чтобы к 2012 году «подвести итоги». К этому времени все педагогические кадры, занимавшиеся длительное время и весьма успешно преподаванием православной культуры, уйдут, а их наработки, их бесценный опыт будут утрачены.

При этом руководство Минобрнауки России всячески стремится заставить всех считать федеральный эксперимент «генеральной линией работы». Об опыте системной работы по преподаванию религиозной культуры в рамках части основной образовательной программы, формируемой участниками образовательного процесса, никто более и не упоминает.

Заместитель министра образования и науки Российской Федерации И.И. Калина в августе 2009 г. на заседании Комиссии по вопросам преподавания православной культуры в общеобразовательной школе при Отделе религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви публично заявил, что генеральной линией для государства является эксперимент, а существующий региональный опыт преподавания религиозной культуры, якобы, может продолжать существовать, его никто не отменяет. Более того, в своем выступлении на пленарном заседании Образовательных чтений Центрального федерального округа «Взаимодействие семьи, школы и Русской Православной Церкви в духовно-нравственном воспитании детей и молодежи» (г. Сергиев Посад; 16–18 сентября 2009 г.) И.И. Калина заявил, что он будто бы опасается, что руководителями на местах факт реализации федерального эксперимента будет использован как «провокация» для сворачивания всей сложившейся в этой сфере в регионах работы.

Минобрнауки России 1 июня 2009 г., и ситуации, связанной с их разработкой и обсуждением. Документы доступны по адресу: www.moral-law.ru.

Эти заявления И.И. Калины, который не может не знать о ликвидации правовых оснований, позволявших продолжить существовавшую в регионах практику преподавания религиозной культуры в школах, свидетельствуют об обратном – о том, что юридически не закреплённая и не обеспеченная указанная практика, несомненно, будет сворачиваться. Это прекрасно понимает И.И. Калина, цинично пытающийся «перевести стрелки» на регионы, переложить ответственность за неправомерную ликвидацию Минобрнауки России существовавшей в регионах обширной, вполне законной практики преподавания религиозной культуры в школах на руководство субъектов Российской Федерации.

Учитывая сказанное, явной попыткой ввести в заблуждение являются слова министра образования и науки Российской Федерации А.А. Фурсенко о том, что преподавание истории и культуры религий узаконено и ведётся в большинстве российских регионов уже давно, и **«сейчас мы просто упорядочиваем эту систему»**¹⁰⁵; *«Преподавание истории и культуры православия, других религий уже нормативно в том или ином виде закреплено в 64 регионах на местном уровне... Мы просто упорядочиваем эту систему. Начинается очень аккуратный эксперимент. Без фанатизма»*¹⁰⁶.

Попытки министра А.А. Фурсенко убедить, что предыдущие формы преподавания религиозной культуры в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях (в рамках регионального и школьного компонентов стандарта) были связаны с фанатизмом или могут быть охарактеризованы с использованием слова «фанатизм», так же не имеют под собой никаких фактических и юридических оснований и обусловлены исключительно его личной крайне идеологизированной позицией, которую он противоправно привносит в деятельность системы школьного образования.

Неоднократные высказывания министра А.А. Фурсенко об осуществляемом под его руководством «упорядочивании» преподавания православной культуры требуют прояснения действительного смысла таких заявлений.

Смысл приведенных и иных публичных высказываний А.А. Фурсенко подразумевает, что ранее в преподавании религиозной культуры в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях не было порядка, что преподавание основ православной

¹⁰⁵ Переподготовка учителей по курсу «Духовно-нравственное воспитание» начнется зимой // <http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=news&div=31822>. – 01.09.2009.

¹⁰⁶ В школах 18 регионов России в порядке эксперимента появится новый предмет «Духовно-нравственное воспитание» // <http://www.ami-tass.ru/article/53838.html>. – 01.09.2009.

культуры в регионах осуществлялось без порядка, т.е. беспорядочно. Такая позиция выражает одну из ключевых установок чиновников «от образования», в конечном итоге они стремятся «упорядочить» – изменить существовавший порядок изучения религии в школе так, как они считают нужным, игнорируя существующий социальный образовательный запрос и права и свободы обучающихся и их родителей.

Считаем необходимым отметить и тот факт, что в июне 2009 г. на заседании одной из комиссий при Правительстве Российской Федерации рассматривалась развернутая концепция проекта федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», который призван заменить Закон РФ «Об образовании» и еще целый ряд федеральных нормативных правовых актов в области образования и в котором основания для продолжения преподавания православной культуры в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях на данный момент не предусмотрены.

Вместо вывода.

Необходимо немедленно прекратить деятельность руководства Минобрнауки России и группы А.М. Кондакова по противодействию реализации инициативы Президента по вопросу о преподавании основ религиозной культуры в школах.

* * *

Берзин В.А. Анализ проекта федерального закона «Технический регламент на винодельческую продукцию» с точки зрения обеспечения интересов российского виноделия¹⁰⁷

Анализ проекта Федерального закона «Технический регламент на винодельческую продукцию» (далее – проект Техрегламента), произведенный исключительно с точки зрения оценки его составляющей, регулирующей виноделие (в традиционном понимании производства вин), позволяет сделать следующие выводы.

Качество проработки данного законопроекта существенно выше, чем проекта федерального закона «О винограде и вине», внесенного Законодательным Собранием Краснодарского края от 28.05.2003¹⁰⁸, проекта № 466404-4 федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота столового вина и столовых виноматериалов», внесенного 28.08.2007 в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации депутатами Государственной Думы Ю.А. Барзыкиным, В.Л. Горбачевым, В.С. Груздевым, Ю.Г. Медведевым, Е.В. Паниной, А.М. Сыроевым, П.Б. Шелищем, и проекта № 480953-4 федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота столового вина и столовых виноматериалов», внесенного 17.10.2007 в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации Законодательным Собранием Краснодарского края и позднее снятого с рассмотрения Государственной Думы в связи с его отзывом субъектом права законодательной инициативы.

Вместе с тем, проект Техрегламента содержит множество существенных недостатков, корреспондирующих недостаткам указанных выше законопроектов.

¹⁰⁷ **Берзин Владимир Александрович** – федеральный судья, кандидат юридических наук, докторант кафедры конституционного и муниципального права Российского университета Дружбы Народов.

Статья посвящена оценке содержания и направленности проекта Федерального закона «Технический регламент на винодельческую продукцию».

Ключевые слова: виноделие, виноградарство, технический регламент, производство вина, алкогольная продукция.

¹⁰⁸ Постановление Законодательного Собрания Краснодарского края от 28 мая 2003 г. № 213-П «О законодательной инициативе Законодательного Собрания Краснодарского края по внесению проекта федерального закона “О винограде и вине”». Система «Гарант».

1. Необоснованное расширение предмета регулирования проекта Техрегламента и понятия «винодельческая продукция»

По существу, авторы проекта Техрегламента экстраполируют (расширяют, распространяют) понятие винодельческой продукции на всю совокупность алкогольной продукции, в качестве базового сырья для которой используются виноград, фрукты, мёд. К винодельческой продукции проектом Техрегламента отнесены бренди (пункт 49 статьи 3), виноградные водки (пункт 50 статьи 3), коньяки (пункты 14 и 48 статьи 3), кальвадосы и кальвадосный дистиллят (пункты 14, 69 и 71 статьи 3).

С фактической (винодельческой) и юридической точки зрения, тем самым, необоснованно расширяется предмет регулирования обсуждаемого федерального закона. Как следствие – собственно вино просто «затерялось» в данном акте, а требования к сырью для производства вин, процессам виноделия и хранения вин оказались существенно размыты.

2. Существенные недостатки определения понятия винодельческой продукции

Из содержащегося в проекте Техрегламента определения винодельческой продукции в целом: *«продукты с объемной долей этилового спирта не менее 1,5 %, изготовленные из винограда, фруктов, мёда с использованием процесса спиртового брожения, разрешенных в виноделии пищевых добавок, вспомогательных материалов и технологических приемов»* (пункт 2 статьи 3) – неясен источник происхождения этилового спирта. Следствием этого будет допущение его появления, в случае производства вин, просто за счет прямого долива.

Упоминание возможности *«пищевых добавок»* без уточнения, что это за добавки, а также упоминание возможности использования неких неназванных *«вспомогательных материалов»*, отсутствие четкого перечня фруктов, напитки из которых могут признаваться «винодельческой продукцией», излишнее, на наш взгляд, отнесение к винодельческой продукции напитков из мёда и многих иных, перечисленных в статье 3, – всё это необоснованно расширяет понятие винодельческой продукции и создает условия для безнаказанного продолжения имеющейся ныне массовой фальсификации вин в России.

3. Существенные недостатки определения понятия вина, включая наличие подрывающих российскую винодельческую отрасль норм, допускающих добавление в вина сахара, спиртов (помимо виноградных или винных) и иных непозволительных в виноделии ингредиентов

Совершенно не выдерживает критики даваемое проектом Техрегламента определение вина:

*«вино – продукт с объемной долей этилового спирта не менее 8,5 % и не более 22,0 %, изготовленный в результате спиртового брожения целых или дробленых ягод винограда или свежего виноградного сусла, с добавлением или без добавления: **ректификованного этилового спирта из пищевого сырья, или ректификованного винного спирта и (или) ректификованного виноградного спирта, или винного дистиллята, сахаросодержащих продуктов, натуральных ароматизирующих и натуральных вкусовых веществ, двуокиси углерода**» (пункт 4 статьи 3).*

Таким образом, указанная норма допускает добавление в вино при его производстве спирта из зернового, зерно-картофельного или свекло-сахарного сырья (пищевое сырье). Виноградный и винный спирты, традиционно веками (если не тысячелетиями) использовавшиеся в виноделии, обуславливают определенную вкусовую гамму, которая (думаем, нет необходимости доказывать это) определяет органолептические, вкусовые свойства вин, их качество.

В интересах перспективного развития российского виноделия и подъема авторитета российской винодельческой продукции следует отказаться от такого разрешения добавлять в вино при его производстве спирт из пищевого сырья, помимо традиционных ректификованного винного спирта и (или) ректификованного виноградного спирта, или винного дистиллята. Поскольку должны быть гарантированы права потребителя знать, что ему предлагается под видом вина или какое именно (с точки зрения производства) вино предлагается ему, по нашему мнению, даже если проект Техрегламента в окончательном (принятом) виде разрешит добавление в вина спирта из зернового, зерно-картофельного или свекло-сахарного сырья, считаем, что этот закон должен урегулировать требования к такому использованию и последующему уведомлению о том потребителей.

Указанное определение пункта 4 статьи 3 проекта Техрегламента совершенно определенно допускает добавление сахара при производстве вина, что является крайне вредным подходом, существенно угрожающим имиджу российского виноделия на мировом рынке, и противоправным средством обмана

потребителей, которые желают, покупая в магазине продукцию, на этикетке которой написано слово «вино», получать именно вино, а не сомнительную химическую смесь.

В самом определении вина в указанной норме использована неясного смысла формулировка «сахаросодержащие продукты».

Но чуть ниже пункт 99 статьи 3 дает лишенную всяких неопределенностей дефиницию этому понятию: **«сахаросодержащие продукты – сахар-песок, сахар-песок рафинированный, сахароза, декстроза, фруктоза, глюкоза, ректифицированное концентрированное виноградное сусло, концентрированное виноградное сусло, свежее виноградное сусло, карамелизованный сахар, мед»**.

Следовательно, проект Техрегламента позволяет использование при изготовлении вин сахара-песка и сахара-песка рафинированного, что для виноделия (в нормальном его понимании, а не в толковании лоббистов производителей фальсификата) является нонсенсом.

То, что разрешено добавлять еще и множество иных разновидностей сахаросодержащих продуктов, только усугубляет дело.

Далее. Пункт 4 статьи 3 допускает при производстве вин добавление *«натуральных ароматизирующих и натуральных вкусовых веществ»*. А пункт 100 статьи 3 дает исчерпывающее определение того, что это такое: *«натуральные ароматизирующие и натуральные вкусовые вещества – вещества, полученные с помощью соответствующих физических методов (включая перегонку и экстрагирование растворителем) или ферментативных, или микробиологических методов из сырья растительного или животного происхождения, использованного в неизменном состоянии или переработанного для потребления традиционными способами приготовления пищевых продуктов (включая сушку, обжаривание и брожение)»*.

Следовательно, проект Техрегламента допускает при производстве вин использовать экстракты и иным образом полученные вещества из сырья животного происхождения, а также многие иные вещества, явно противопоказанные виноделию.

Обозначенные выше и многие иные недостатки обуславливают неудовлетворительность проекта Техрегламента, необходимость его существенной переработки.

* * *

Субочева В.А. К вопросу о взаимодействии государства и гражданского общества¹⁰⁹

Обеспечение системного взаимодействия между органами власти и общественностью – одно из важнейших требований управления в демократическом обществе. Идея гражданского общества как нормативного идеала, примиряющего интересы частного и общего, имеет долгую историю и восходит к работам мыслителей Нового времени. Первые серьезные попытки дифференцировать понятия государства и гражданского общества предприняли Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк. Их идеи получили свое развитие в работах Ш. Монтескье, И. Канта, В. фон Гумбольдта, Г. Гегеля, А. Токвиля.

С течением времени гражданское общество все чаще воспринимается как своего рода лакмусовая бумажка, с помощью которой проверяются сила и слабость западных либеральных демократий, а после падения коммунистических режимов также и перспектива дальнейшей демократизации стран Восточной и Центральной Европы.

Под «гражданским обществом» принято понимать сферу спонтанного самопроявления индивидов и добровольно сформировавшихся ассоциаций и организаций граждан, которая защищена от прямого вмешательства и произвольной регламентации деятельности граждан со стороны органов государственной власти¹¹⁰. Гражданское общество не представляет собой некоего изолированного социального пространства, противостоящего государству. Наоборот, гражданское общество и государство соединены друг с другом целым рядом структурных связей, поскольку государство, осуществляя управленческо-посреднические функции в общественной жизни, не может не соприкоснуться с гражданскими ценностями и институтами, так как последние через систему горизонтальных связей как бы охватывают все общественные отношения. Вопрос о взаимодействии государства и гражданского общества – один из важнейших в юридической науке.

¹⁰⁹ **Субочева Виолина Александровна** – аспирант Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

В статье рассмотрены основные традиции взаимодействия государства и гражданского общества в правовом демократическом государстве, а также условия, способствующие дальнейшему плодотворному развитию и функционированию институтов гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, демократическое государство, традиции, взаимодействие.

¹¹⁰ Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд / Рук. научного проекта Г.Ю. Семигин; гл. ред. В.Н. Иванов. – М.: Мысль, 2003. – С. 87.

При анализе проблем взаимодействия государства и гражданского общества прослеживаются три основные традиции: либерально-демократическая, социально-демократическая и средняя.

Теоретики, принадлежащие к либерально-демократической традиции, выше всех ценностей ставят свободу¹¹¹. Основную функцию гражданского общества они видят в том, что оно образует ряд защитных структур между индивидом и государством, является средством достижения максимальной свободы и независимости индивидов. Свобода понимается ими как защита от вмешательства извне, в обособленности со стороны государства. Однако данное толкование не содержит каких-либо указаний на то, каким образом эта свобода может быть употреблена на различных поприщах деятельности, на те ресурсы, которыми люди могут обладать либо не обладать для того, чтобы этой свободой пользоваться, ведь зачастую требуется активное вмешательство государства, чтобы люди располагали ресурсами, необходимыми им для пользования этой свободой.

Теоретики, приверженные социал-демократической традиции, всегда признавали гражданское общество сердцевиной политики и считали, что демократизация политической жизни должна брать свое начало в демократизированном гражданском обществе¹¹². Государство, по их мнению, должно участвовать в обеспечении функционирования гражданских институтов, дабы гарантировать, что они будут управляться демократически.

Данный подход также не является беспроблемным. Возникает вопрос: насколько эффективным инструментом являются государственные институты в демократизации гражданского общества.

Трудности во взаимоотношениях государства и гражданского общества, с которыми столкнулись представители либерально-демократической и социал-демократической традиций, побудили научную общественность к поиску срединного концептуального подхода. Такие попытки предприняли М. Уолзер, А. Макинтайр, И. Шапиро. Они считают, что государству не следует формировать цели, которые преследуют общественные объединения в различных областях жизни. Они возлагают на государство контрольную и регулирующую роль как в структурировании того, что происходит в

¹¹¹ См.: Гоббс Т. О гражданине. – М., 1989. – С. 291–292.; Гегель Г. Сочинения. – М., 1935. – Т. 8. – С. 24; Боуз Д. Либертарианство: История, принципы, политика: Пер. с англ. – Челябинск, 2004. – С. 18.; Энкарнасьон О.Г. Миссионеры Токвиля. Пропаганда гражданского общества и поддержка демократии // <http://old.russ.ru/politics/meta/20010220_toc.html>.

¹¹² Гражданское общество: теория, история, современность / Отв. ред. З.Т. Голенкова. – М., 1999.

различных сферах гражданского общества, так и в отношениях между такими сферами.

Отдавая должное теориям западных ученых, необходимо учитывать, что использовать результаты их исследований следует крайне осторожно. Это вытекает из совершенно различных условий формирования гражданского общества. В западных странах оно осуществлялось на основе эволюционного развития и накопления демократических традиций, экономических и политических свобод. В России для создания полноценного гражданского общества прошло гораздо меньше времени.

При этом формирование гражданского общества происходит в условиях, когда на предыдущих этапах развития страны утвердился разрыв между декларированными, формальными принципами общественной организации и реальными общественными отношениями. Современный этап развития гражданского общества в России происходит в достаточно сложной обстановке.

При демократическом режиме гражданское общество тесно соприкасается и взаимодействует с государством, при авторитарном и тоталитарном режимах пребывает в пассивной или активной оппозиции к режиму. Важнейшим признаком гражданского общества выступает развитость и разветвленность демократии, как основного способа организации, упорядочения и регулирования отношений между всеми элементами социальной структуры общества. Демократическое государство призвано максимально удовлетворять интересы и потребности своих граждан.

Одним из условий успешного функционирования гражданского общества является наличие в обществе развитой многообразной социальной структуры, отражающей все богатство и многообразие интересов представителей различных групп и слоев. Многообразие социальной структуры должно иметь хорошо развитые вертикальные и особенно – горизонтальные связи. Сеть таких связей объединяет граждан в целостную общность, побуждает их к осознанию своего места в обществе, своих гражданских прав и обязанностей, к выработке механизмов согласования и координации различных интересов. При размытой социальной структуре индивид связан с государством напрямую, а это существенно ограничивает возможности реализации его личных прав и свобод.

Таким образом, главное условие активной жизни гражданского общества – это социальная свобода, демократическое государственное управление, существование общественной сферы политической деятельности.

За несколько лет в нашей стране возникли многочисленные организации, объединения, ассоциации, союзы, фонды, движения, отвечающие всем характеристикам гражданского общества. Они

появились во всех сферах общественной жизни: экономической, политической, духовной и др. Опыт России и ряда зарубежных стран позволяет выделить стержневые процессы, которые отражаются во всех типах институтов гражданского общества:

- посредничество интересов различных социальных групп на правительственном уровне, их агрегация и артикулирование;
- поиск путей консолидации общества, развитие отношений социальной солидарности;
- защита прав человека, борьба с проявлениями насилия, экстремизма, коррупцией и криминалом;
- разрешение возникающих социальных конфликтов;
- социальная поддержка нуждающихся;
- решение задач духовного развития;
- пропаганда и упрочение принципов толерантности.

* * *

Мелехова Г.Н. Изучение русской культуры: некоторые проблемы¹¹³

...преследуя цель экономического оздоровления и обновления России, не следует забывать и о духовных его предпосылках...

С.Н. Булгаков. Народное хозяйство и религиозная личность. 1909

Образование как социальный институт осуществляет передачу культурной традиции от одного поколения к другому, обеспечивая преемственность исторического существования народа, этнокультурную и этноконфессиональную идентичность и самобытность личности, семьи и общества, стабильность национального самосознания, т.е. целостность народа как субъекта истории. Принципиальное, целеполагающее значение в этом процессе имеет постижение новыми поколениями глубин и смыслов родной истории и культуры¹¹⁴. Структурообразующими элементами традиционной культуры любого народа, в том числе русского, являются этничность и религиозность, определяющие своеобразный облик и специфику национальной жизни и культуры. Применительно к историко-культурному наследию России особое значение имеет его преимущественно русский и православный характер, определяющий характеристические черты и вклад российской культуры в мировое наследие. Несмотря на то, что эти положения неоднократно

¹¹³ **Мелехова Галина Николаевна** – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного института радиотехники, электроники и автоматики (технического университета).

В статье рассмотрены некоторые проблемы, возникающие в педагогической практике в связи с изучением православно-ориентированных дисциплин: истории русской культуры, истории культуры России, православной культуры. Обоснован тезис о религиозных истоках всякой культуры, рассмотрены соотношения русской культуры и православия, религии и науки. Обобщены результаты изысканий ученых в области раскрытия содержания понятия светскости государства и образования.

Ключевые слова: образование, культура, религия, русская культура, православие, светскость, секулярность, религия и наука.

¹¹⁴ См. подробнее: *Понкин И.В.* Современное светское государство: конструктивная светскость. Конституционно-правовое исследование. – М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2006. – 390 с.; *Метлик И.В.* Знания о религии в современной светской школе. – М.: Планета-2000; Пересвет, 2004; *Мелехова Г.Н.* Воспитательные аспекты гуманитарного образования в техническом ВУЗе: вопросы методологии и методики // Сборник трудов VIII региональной научно-практической конференции «Профессиональная ориентация и методики преподавания в системе ШКОЛА – ВУЗ в условиях перехода к единой форме государственной аттестации выпускников общеобразовательных учреждений». Т. 1. – М.: МИРЭА, 2008. – С. 108–118.

обосновывались¹¹⁵, в педагогической практике продолжают возникать уже ставшие типичными проблемы, рассмотрению которых и посвящена данная статья.

1. Культура и культ; русская культура и православие.

Во-первых, это круг вопросов о соотношении культуры и религии. Почему, собственно, при изучении культуры, культурологии неизбежно обращение к религии, а при изучении русской культуры – к православию? Культура и религия – феномены, свойственные человечеству на всем протяжении его истории. Их всеобщность – фундаментальный фактор всемирной истории. Общества, лишённые религиозных представлений и культурных форм деятельности, не известны науке. Религиозная и культурная (творческая) одаренность связана с самой природой человека, с сущностью его бытия. На заре человеческой истории культ и культура неразделимы: древние культы были практическим осуществлением религиозных, хозяйственных, семейных потребностей человека. Выделившись в отдельное понятие, культура соотносилась и с хозяйственной (возделывание земли), и с духовной (возделывание души) сферами жизни человека. Именно в последнем смысле древнеримский оратор и философ Цицерон (I в. до н.э.) одним из первых употребил это слово. В Средневековье теоретическая разработка понятия культуры не была актуальна, но основные идеи христианства – преображение мира и спасение человека – по сути, являлись новым уровнем развития эллинистической культуры. Господствовавшие более тысячелетия представления о Боге как создателе мира и о предназначении человека стремиться к божественному совершенству обуславливали особую напряженность разработки таких понятий, как вера, правда, знание, истина, возможность ее постижения. С Богом как высшей Истиной соотносились личные и общественные ценности людей, и это обеспечивало глубину и высоту христианской культуры Средневековья¹¹⁶.

В Новое время европейские философы возвратились к осмыслению содержания и специфики культуры, нередко отказываясь видеть источник ее развития в Боге. В этот период культура связывалась с разными аспектами духовной сферы человека и

¹¹⁵ Понкин И.В. Современное светское государство: конструктивная светскость. Конституционно-правовое исследование. – М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2006. – 390 с.; Понкин И.В. Современное светское государство: конституционно-правовое исследование: Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02 / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – М., 2004. – 362 с.; Метлик И.В. Знания о религии в современной светской школе. – М.: Планета-2000; Пересвет, 2004; Кириченко О.В., Мелехова Г.Н. По поводу курса «Православная культура» и учебного пособия А.В. Бородиной «Основы православной культуры» // Традиции и современность. – 2003. – № 2. – С. 133–137.

¹¹⁶ Культурология: Учебное пособие. – М.: МИРЭА, 2009. – С. 111–117.

народа: по И. Канту, это обретение человеком себя как морального существа, по Г. Риккерт и В. Виндельбанду, – мир ценностей, по Э. Кассиреру, – «символическая Вселенная». В Новое и в Новейшее время ряд философов развивали тему взаимопроникновения религии и культуры. Как инобытие Абсолютной идеи понимал культуру Г.В.Ф. Гегель; как область развертывания духовной деятельности человека – М. Хайдеггер. Связь культуры и религии характерна для русской мысли; в начале XX в. сформировался самобытный феномен религиозной философии, развивающей традицию осмысления бытия в рамках теоцентрической картины мира. Н.А. Бердяев, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев, И.А. Ильин, П.А. Флоренский раскрывали сакральные аспекты культуры и богочеловеческий характер культурной деятельности¹¹⁷. С.Н. Булгаков писал о религиозном культе как духовном средоточии культуры, о том, что «задача культуры – дело богочеловечества, т.е. очеловечение мира и обожение человека»¹¹⁸. В.С. Соловьёву принадлежат слова: «Народ – это не то, что он сам думает о себе во времени, а то, что Бог думает о нём в Вечности», т.е. идея народа религиозна, она и запечатлевается в его культуре¹¹⁹.

Положение о религиозном содержании культуры многими исследователями признается и сегодня, тем более что давно стали всеобщим достоянием произведения отечественной и мировой религиозно-философской и богословской мысли. «Культура родилась из *культы*. Она соприродна духовности и, следовательно, религии», – пишет автор современного пособия по философии культуры П.С. Гуревич (курсив автора цитаты). Он рассматривает культурологические концепции П.А. Флоренского («культ есть бутон культуры»), Н.А. Бердяева («вокруг храма зачалась она [культура] и органический свой период была связана с жизнью религиозной»; из *культы* происходит символический характер культуры), французского философа Жака Маритена, обосновывавшего, что именно в религии коренятся глубинные сокровенные основы культуры¹²⁰.

Особенно тесную связь с религией имеет русская культура. Религиозный, православный характер – важнейшая черта культурно-исторического творчества в России. «Русская культура есть культура христианская, ибо русский народ живет верой и не может жить вне норм веры и религии», – отмечал в 1914 г. писатель С.Н. Дурылин. Он

¹¹⁷ Шендрик А.И. Культура в мире: драма бытия. – М.: Московский Гуманитарный университет, 2007. – С. 47–116.

¹¹⁸ Булгаков С.Н. Догматическое обоснование культуры // Булгаков С.Н. Сочинения в 2-х томах. – М.: Наука, 1993. – Т.2. – С. 642–643.

¹¹⁹ Соловьев В.С. Русская идея // Владимир Соловьев. О христианском единстве. – М.: Рудомино, 1994. – С. 163.

¹²⁰ Гуревич П.С. Философия культуры. Пособие для студентов гуманитарных вузов. – М.: Аспект Пресс, 1994. – С. 102–121.

привел высказывания ряда западных ученых и писателей, отмечающих общеевропейское значение «русской веры», русской литературы¹²¹. Православное мировосприятие, понимание жизни как пути, неразрывность ее со страданием и просветлением выражены во многих строках классиков русской литературы: А.С. Пушкина («Но не хочу, о други, умирать, я жить хочу, чтоб мыслить и страдать»), Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, Ф.И. Тютчева, Н.С. Лескова... Ф.М. Достоевский определял русскость не составом крови, а отношением к православию: русский – значит, православный. Крупнейшие деятели первой половины XX века – Н.А. Бердяев, П. Сорокин, Н.О. Лосский, Г.П. Федотов – выявили глубинную укорененность веры в хозяйственной деятельности, быте, культуре, мироощущении русского народа, его религиозную одаренность и устремленность к высшим формам религиозного опыта, участие религиозных истин в формировании национального характера. Очень четко это сформулировал А.В. Карташев: «Без православного корня нет русской культуры, ибо без православия нет и русской души, родящей из себя культуру»¹²².

Культурообразующая роль православия в историческом бытии России всесторонне раскрывается в трудах современных исследователей М.М. Громыко, А.В. Камкина, В.Н. Катасонова, А.И. Клибанова, М.А. Некрасовой, О.А. Платонова, И.В. Поздеевой, В.Н. Топорова, В.Н. Тростникова¹²³. Они обосновали, что православие – этноопределяющая и культуурообразующая религия, охватывающая все сферы жизни русского народа, пронизывающая его мировосприятие и мироощущение, сформировавшая его национальный характер и оплодотворившая его культурную деятельность. Введенные в научный оборот многообразные письменные, устные, изобразительные, вещевые источники свидетельствуют о крупнейших по своей духовной значимости и степени распространенности православных феноменах, составляющих культуру преобладающего большинства. Со времен Киевской Руси русская народная идея приняла по преимуществу конфессиональный характер, получивший свое выражение в идеале Святой Руси – так назвал свою родину сам народ в своих духовных

¹²¹ *Дурылин С.Н.* Русь прикровенная. – М.: Паломник, 2000. – С. 282–289.

¹²² *Карташев А.В.* Крещение Руси св.кн. Владимиром и его национально-культурное значение // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. – М., 1991. – С. 32.

¹²³ Подробнее см.: *Мелехова Г.Н.* Методологические подходы к изучению народной религиозности // Россия в духовных поисках современного мира. Материалы Второй Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие прп. Серафима Саровского и судьбы России». – Нижний Новгород, 2006. – С. 52–73.

стихах. В русском языке литургические смыслы вошли в самые обыденные слова: спасибо («спаси Бог»), благодарю (калька с греческого «евхаристио» – причастие св.Тайн), образование (проявление в человеке образа Божия), крестьянин (христианин), воскресенье (в честь Воскресения Иисуса Христа).

В течение многих веков на Руси существовало симфоническое взаимодействие государственных и церковных властей. Видимо, поэтому в русской культуре, как уже приходилось писать автору, трудно разделимы светские и религиозные компоненты: Владимир Святой, свв. кн. Александр Невский и Дмитрий Донской, осваивавшие просторы Руси монахи-основатели монастырей, патриарх Гермоген, Александр Суворов и св. адмирал Федор Ушаков, создатели стихотворных молитв, религиозные философы, сонм новомучеников Российских – все они принадлежат русской – и светской, и церковной – истории¹²⁴. Более того, православие сыграло важную роль в формировании этнической и конфессиональной терпимости русских, что способствовало объединению разноэтничных племен и народностей и становлению единой государственности. Кстати, православие является доминантной религией не только русских и других славян, но и карел, коми, марийцев, мордвы, осетин, удмуртов, чувашей, хакасов, якутов и др. Православные этноконфессиональные группы есть и среди преимущественно нехристианских народов: кряшены у татар, юрлинцы в Коми-Пермяцком автономном округе.

О роли Церкви в истории России ярко писал наш современник митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн: «Кто на протяжении тысячи лет ковал и пестовал негибемый державный дух русского патриотизма? – Церковь Православная! Кто вдохновлял отважных и укреплял малодушных, освящая дело защиты Отечества как личный религиозный долг каждого, способного носить оружие? Кто научил русского человека быть верным – без лести, мужественным – без жестокости, щедрым – без расточительства, стойким – без фанатизма, сильным – без гордости, милосердным – без тщеславия, ревностным – без гнева и злобы? – Церковь Православная! ... Церковная основа русского бытия сокрыта в самом сердце России, в самых глубоких корнях народного мироощущения...»¹²⁵.

Таким образом, очевидно, что сколько-нибудь глубокое изучение русской (как и любой другой) культуры предполагает

¹²⁴ Подробнее см.: Мелехова Г.Н. Клерикализация: к вопросу о терминологии и методологии // 54-я научно-техническая конференция МИРЭА. Сборник трудов. Ч.4. Гуманитарные науки. Учебно-методические проблемы. – М.: МИРЭА, 2005. – С. 39–44.

¹²⁵ Иоанн (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Битва за Россию. – СПб., 1993. – С. 22–23.

знакомство с лежащей в ее основе религиозной традицией. Для понимания русской культуры знание православия необходимо – это единственно возможный подход к истории и культуре России.

2. Религия и образование. Второй блок вопросов затрагивает проблему взаимодействия религии, религиозных организаций с образованием. Сегодня религия входит в общественную жизнь, и современный тип общества философы определяют как «постсекулярный». Это означает, что секуляризм как общественная идеология, связанная с ограничением влияния религии и религиозных организаций на государство и общество и ведущая в пределе к их полной атеизации, в значительной степени утратил свой авторитет в обществе. Истины веры становятся ценностями все большего числа людей, которые ранее были далеки от религии. Религиозные идеи проникают в разные сферы общественной жизни, в частности в образование. Открываются храмы, часовни, молитвенные комнаты, в т.ч. при вузах: сегодня их около 70 – в Москве, Петербурге (где более 10 вузовских храмов, объединенных в специальное благочиние), Архангельске, Барнауле, Ставрополе, Чебоксарах, Иркутске, Липецке, Йошкар-Оле, Туле, Челябинске и др., создана ассоциация «Домовые храмы при учебных заведениях». Совсем недавно (в начале 2009 г.) возобновлено богослужение в домовом храме во имя св. равноап. Марии Магдалины в Московском государственном лингвистическом университете (бывшем Институте иностранных языков им. Мориса Тореза); активная община действует в Московском государственном институте международных отношений. Как сказал настоятель храма св.мц. Татьяны при МГУ им. М.В. Ломоносова прот. Максим Козлов, «сегодня присутствует понимание того, что православие в вузе – это не религиозная агрессия, а исконная традиция российского образования, которая просто возвращается на свое место, с одной стороны; и одно из очень немногих оснований для того, чтобы вузы занимались не только образованием, но и воспитанием, с другой»¹²⁶.

Со священником солидарен ректор МГУ В. Садовничий: «Мы делаем одно и то же дело воспитания: университет светскими способами, а Церковь – духовными, верой». События церковной жизни, темы взаимодействия Церкви и других религиозных объединений с государственными институтами и общественными организациями освещаются многими светскими средствами массовой информации. Вот лишь некоторые публикации газеты «Вузовский вестник» за 2008 год: «Размышления перед Рождеством»; «Славься, Россия!» (репортаж с VI церковно-общественной выставки-форума «Православная Русь» к Дню народного единства); «Татьянин день: веселье, но не только»; «Образование и развитие через воспитание»

¹²⁶ Домовые храмы в ВУЗе – чистая капля в море, а капля камень точит // <<http://www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=interview&div>>. – 05.05.2009.

(статья заведующего кафедрой Государственного университета управления проф. С. Карпенкова об уроках православной культуры и воспитании); «Православные ценности и воспитание в современной России. Из доклада президента Российской академии образования Николая Никандрова на 16-х Рождественских чтениях»¹²⁷. Словом, как пишет Ю. Хабермас, в постсекулярном обществе недопустимо путать «нейтральность государственной власти... с изгнанием религиозных суждений со сцены публичной политической жизни» и надлежит запретить «секуляристское обесценение религии»¹²⁸.

Тем не менее, легитимность изучения религиозных аспектов культуры и религиозных вероучений в государственных образовательных учреждениях нередко подвергается сомнению. Обычный аргумент противников такого изучения – светский характер государства и образования и отделение Церкви от государства. Действительно, светский характер государства закреплён в российской Конституции (ст. 14 ч. 1), а светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях – в Законе РФ «Об образовании» (ст. 2 п. 4), Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ст. 4 п. 2). Но что означает светский характер образования? Вот какую характеристику даёт зав. лабораторией гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи Института семьи и воспитания РАО, докт. пед. наук И.В. Метлик: «Светским образованием является любое образование в обществе, направленное на решение различных значимых для общества социальных задач, организуемое и поддерживаемое обществом через органы государственной власти и местного самоуправления (государственно-общественное образование)». Светское образование обеспечивается рядом факторов, в т.ч. отсутствием обязательной для изучения государственной религии или нерелигиозной идеологии и добровольным характером их углубленного изучения. Ключевым, центральным является положение о разделении полномочий органов государственной власти и структур религиозных организаций, т.е. светское образование юридически находится в компетенции светской (государственной или муниципальной), а не духовной власти¹²⁹.

Понятие светскости на базе отечественной и обширнейших материалов мировой (французской, немецкой, итальянской, израильской, американской и др.) практики проанализировал

¹²⁷ Вузский вестник. Российская информационно-аналитическая газета ректоров, проректоров, преподавателей, аспирантов, студентов, абитуриентов. – 2008. – № 1 (49). – С. 1, 16; № 2 (50). – С. 1, 14; № 3 (51). – С. 9.

¹²⁸ Хабермас Ю. «Постсекулярное» общество – что это? // Российская философская газета. – 2008. – № 5 (19). – С. 1–2.

¹²⁹ Метлик И.В. Знания о религии в современной светской школе. – М.: Планета-2000; Пересвет, 2004. – С. 60–64.

профессор кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии государственной службы при Президенте РФ, директор Института государственно-конфессиональных отношений и права, доктор юридических наук, член Общественной палаты по образованию в городе Москве И.В. Понкин. Он пишет, что светское образование не может быть связано с навязыванием какой-либо религии или нерелигиозной идеологии, с катехизацией и воцерковлением, с религиозными обрядами. Однако, разъясняет юрист, светскость не означает отсутствия всяких отношений государства с религиозными объединениями и не препятствует преподаванию учащимся знаний о религии в государственной и муниципальной школе. «Светский» означает не «атеистический», а «гражданский». Отделяя Церковь (в законодательстве – «религиозные объединения») от государства, не допустимо отделять Церковь от общества. Как отмечает И.В. Понкин, внерелигиозность образования – это демагогическое требование идеологов секуляризма, по сути равнозначное требованию его вненациональности или даже внекультурности, либо — «явная дискриминация прав граждан по признаку отношения к религии»¹³⁰.

Интеграция личности в национальную культуру, как раз наоборот, предполагает знакомство с религиозными основами культуры. Светское по форме преподавание знаний о религии в современной российской школе реализуется либо как религиозно-культурологическое образование (на основе определенного религиозного мировоззрения, с привлечением соответствующего содержания, с участием религиозной организации – например, предмет «Православная культура» в средней школе или специальность «Теология» в высшей школе), либо как философско-религиоведческое образование, связанное с описательными сведениями об особенностях вероучения и историко-культурной роли определенного религиозного объединения. Данная терминология находится в стадии формирования и уточнения и, на наш взгляд, до настоящего времени недостаточно отражает практику преподавания знаний о религии (особенно о культуuroобразующей религии) в рамках собственно культурологических, исторических, вообще гуманитарных

¹³⁰ Понкин И.В. Светскость государства. – М.: Учебно-научный центр довузовского образования, 2004. – С. 9, 15–20, 75–78, 87–91. См. также: Понкин И.В. Современное светское государство: конструктивная светскость. Конституционно-правовое исследование. – М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2006. – 390 с.; Понкин И.В. Светскость: конституционно-правовое исследование. – М.: Общественные объединения, 2002. – 308 с.; Понкин И.В. Современное светское государство: конституционно-правовое исследование: Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02 / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – М., 2004. – 362 с.

дисциплин¹³¹. Это, видимо, связано с тем, что мировоззренческие, религиозные аспекты и основания культуры, раскрывающиеся в ходе преподавания гуманитарных дисциплин, естественны, органичны и в глазах И.В. Понкина не нуждаются в особом обосновании. Однако религиозное образование и поныне нередко опирается на секулярно-материалистическую научную и педагогическую традицию, в которой феномен религии раскрывается с позиций нерелигиозных мировоззренческих подходов, прежде всего философского позитивизма и эволюционизма. Особенно это характерно для российской гуманитарной науки.

Неправомерность атеистической, характерной для периода государственного атеизма трактовки светскости как исключения религии из общественной жизни и образования отмечает и И.В. Метлик. Светскость и секулярность – разные понятия. Современная светская школа – это не секулярная (атеистическая, социалистическая) школа советских времен. Сегодня для подобного понимания нет ни правовых, ни социокультурных оснований¹³². «Восстановление функций российской школы как инструмента наследования и развития культуры в новых поколениях, – пишет ученый, – ...требует не просто отвлеченного знакомства школьников с традиционной духовной культурой своего народа, в том числе и религией, поскольку традиционная религия – неотъемлемая часть любой национальной культуры, но и приобщения учащихся к этой духовной культуре, личностного восприятия и освоения национальных ценностей, святынь, нравственных норм, основ традиционного мировоззрения и жизненного уклада нации. ...Освоение знаний о религии как части нашей истории и культуры в светской – общественно-государственной школе не направлено на вовлечение учащихся в ту или иную религиозную организацию и не препятствует их свободному мировоззренческому самоопределению»¹³³. Как уже не раз приходилось писать и автору, цель изучения этноконфессионально ориентированных дисциплин — не навязать веру (невольник – не богомольник), а познакомить с духовно-нравственной культурой России, способствовать духовно-нравственному возрастанию подрастающего человека, подтолкнуть к размышлениям над собственной мировоззренческой позицией.

3. Россия и русские. Еще одна проблема формулируется так:

¹³¹ Подробнее см.: Мелехова Г.Н. Рецензия на книгу И.В. Понкина «Правовые основания преподавания православной культуры в государственных и муниципальных образовательных учреждениях в вопросах и ответах» // Образование. – 2004. – № 4. – С. 33.

¹³² Метлик И.В. Знания о религии в современной светской школе. – М.: Планета-2000; Пересвет, 2004. – С. 48–60.

¹³³ Метлик И.В. О мировоззренческом содержании образования в современной школе // <<http://verav.ru/common/autors.php>>.

Россия – страна многонациональная, почему же изучается лишь русская культура? В самом деле, Российская Федерация – государство, в котором проживают более 120 этносов и этнических групп, а также последователи более 60 конфессий и вероисповеданий. Но историко-культурная и государственная роль разных этноконфессиональных и этнокультурных групп не одинакова. Русские, составляющие около 80% населения (а вместе с украинцами и белорусами – свыше 82%) являются государствообразующей нацией, этническим ядром российской цивилизации, фундаментом которой стали русский язык и культура¹³⁴. То, что Российское государство является формой организации и существования русского народа, признают многие исследователи. О выдающейся роли русских пишет доктор исторических наук А.В. Назаренко: «...многонациональная Россия в самой своей сердцевине скреплена <...> жертвенным национальным самосознанием русского народа. Если оно истребится, России не быть»¹³⁵. Ведь Русское государство складывалось не как колониальная империя («тюрьма народов»), а росло как естественный живой организм, «не нарушая внутренней социальной структуры внутри отдельных народов, их веры и обычаев», что подчеркивал автор монументальных трудов по истории русского народа доктор исторических наук профессор В.А. Александров. Распространение влияния русского правительства на другие народы проходило через включение новых этносов в государственные и социальные структуры: сохранялось местное самоуправление, местная аристократия по статусу приравнивалась к русскому дворянству¹³⁶. Дружелюбие, терпимость, открытость обусловили преимущественно мирный характер славянской колонизации и социальное равноправие других народов с русскими. Множество явлений свидетельствуют об открытости России: христианство Русь приняла от Византии, поэтому в нашу культуру вошли святые греческие имена; в ходе и после монгольского ига многие татарские мурзы переходили на службу к московскому князю – их потомки роднились даже с царями и сами становились царями. Это позволило русским в процессе освоения территорий Восточной Европы и Центральной и Средней Азии собрать вокруг себя

¹³⁴ Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания. – М.: Культурная революция, 2007. – С. 113, 114, 190.

¹³⁵ Назаренко А.В. Национальное самосознание: долг и свобода // Материалы научно-богословской конференции «Миссия Церкви. Свобода совести. Гражданское общество» (12–17 июля 1998 г., г. Белгород). – Белгород, 2008. – С. 8.

¹³⁶ Александров В.А. Политика Российского правительства по национальному вопросу (середина XVII–XVIII в.) // Национальная политика в России. Кн. 1. – М., 1992. – С. 14–40; Русские. – М.: Наука, 1997. – С. 11–35. – (Серия «Народы и культуры»).

множество народов, относясь уважительно к их этнической и конфессиональной самобытности, что дало возможность всем народам внести свою лепту в культуру России.

Сегодня ученые по-разному решают вопрос, считать ли Россию моно- или полиэтническим государством. Высказывается мнение, что, несмотря на то, что процент русских в России выше, чем французов во Франции, Россия была и остается по своему типу и самосознанию полиэтническим государством. Но в истории России эта дефиниция была и не так важна, ибо российская идентичность осознавалась преимущественно не по этническому, а по конфессионально-цивилизационному принципу. В этом, как отмечает А.В. Назаренко, «главный диалектический нерв» русского национального сознания: «с одной стороны оно национальное, а с другой – имперское, т.е. в принципе, в идейной потенции – вселенское, а значит отрицающее национальное как таковое»¹³⁷. Связь общецивилизационных и национально-особенных черт российской цивилизации с русской культурой, особое место и роль «русского субкультурного, субисторического, субцивилизационного элемента» отмечает ректор Российской академии государственной службы при президенте РФ В.К. Егоров¹³⁸. В связи с этим в одном из академических изданий справедливо фиксируется, что «...российская общеобразовательная школа является исторически и по сути русской национальной школой... Этнокультурное образование русских может быть реализовано только и исключительно в рамках единой российской общеобразовательной школы»¹³⁹.

4. Религия и наука. Наконец, весьма острый характер имеют вопросы о соотношении религии и науки. Можно ли сегодня, в век величайших научно-технических достижений, говорить о Боге, не анахронизм ли это? Не является ли теоцентрическая картина мира устаревшей и необоснованной? Противоположен ли научный способ познания вере? Приходилось слышать реплики типа: у нас научное учреждение, где религии делать нечего. Особенно болезненно воспринимаются инициативы дополнить (не заменить!) научные представления о возникновении мира и человека библейской позицией (о творении мира и человека Богом).

В данной статье мы не имеем возможностей вдаваться в полемику об уровне обоснованности обеих концепций, их логической непротиворечивости и доказательности (на эту тему уже существует не один десяток книг – переведенных с разных языков и написанных

¹³⁷ Назаренко А.В. Национальное самосознание: долг и свобода. – С. 6.

¹³⁸ Егоров В.К. Философия русской культуры. – М.: РАГС, 2006. – С. 115–171, 172–209.

¹³⁹ Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания. – М.: Культурная революция, 2007. – С. 191.

отечественными авторами). Главное заключается в том, что в основе научных построений, как и религии, лежат определенные теоретические положения, принимаемые на веру (аксиомы). Важно и то, что не все научные гипотезы поддаются проверке (например, связанные с возникновением мира), и потому, в сущности, не могут называться теориями, являясь непроверяемым на практике, предположительным знанием. В основе современной научной концепции лежит не только сумма знаний, но их определенное осмысление, которое довершает незнание и недоказуемое воображаемым и моделируемым, и в этом смысле оно близко к вере. «Научная картина мира – модель, сформированная в результате неограниченной экстраполяции конкретных ограниченных научных знаний за пределы возможных в данный момент времени наблюдений и экспериментов», – пишут ученые-физики, авторы книги «Основы современного естествознания». Они завершают свой труд выводом о том, что «христианское мировоззрение ничуть не менее научно, чем атеистическое, а так называемые научные основы атеизма представляют собой гипотетические построения. ...Противопоставление веры в Бога и атеизма – это противопоставление двух религий – теистической и атеистической, а не противопоставление науки и религии»¹⁴⁰. Это находится в русле знаменитого исследования А.Ф. Лосева, который изысканно и остроумно выявил, что «наука не существует без мифа, она всегда мифологична»¹⁴¹. Предельно откровенно высказывается о так называемом научном материализме президент Российской академии наук Ю.С. Осипов: «И сегодня мы можем признать, ... что такое эксцентрическое мировоззрение, претендовавшее на универсальную парадигму, которая бы заменила религию, это мировоззрение, конечно, не состоялось... Создание любой стройной научной системы неизбежно приводит к мысли о существовании, как говорят в нашей среде, Абсолютного Бытия»¹⁴².

На философском уровне давно осмыслено, что принципиальной антагонистичности между наукой и религией нет: рациональное познание мира и вера – две равно важные способности человека. «Попытки атеистической мысли опереться в своей борьбе с христианством на науку, главным образом на естественные науки, при ближайшем рассмотрении их покоятся не только на искажениях отдельных истин науки и истин религии, но и на извращенном понимании самой природы науки и самой природы религии», – указывал

¹⁴⁰ Неделько В.И., Хунджуа А.Г. Основы современного естествознания. Православный взгляд. – М.: Паломник, 2008. – С. 343, 377.

¹⁴¹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // <http://www.philosophy.ru/library/losef/dial_myth.html>.

¹⁴² Соборные слушания «Вера и знание: наука и техника на рубеже столетий» (18–20 марта 1998 г., г. Москва) // Становление отношений Российского федерального ядерного центра ВНИИЭФ и Русской Православной Церкви. – Саров: РФЯЦ–ВНИИЭФ, 2008. – С. 175, 179.

Н.Н. Фиолетов в 1940-е гг.¹⁴³ «Расхождение веры и знания, – вторил ему В.В. Зеньковский, – есть выдумка тех, кто борется против веры в Церковь; вся современная культура так глубоко связана в своих корнях с христианством, что ее нельзя оторвать от христианства»¹⁴⁴. И проректор МГУ им. М.В. Ломоносова, декан философского факультета В.В. Миронов пишет, ссылаясь на философов: вера – «не некая ущербность знания, а иная форма установления отношений с Истиной. Существует круг вопросов, которые не допускают иного ответа, чем ответ веры». И продолжает уже сам: «Постоянное накопление культурой материального (эмпирического) опыта не мешает понимать мир одновременно и как творение Божие»¹⁴⁵.

Если говорить об истории современной науки, то, как специфическая сфера социальной деятельности, она родилась в Европе на рубеже XVI–XVII вв. в период величайшего религиозного напряжения (Реформации и Контрреформации). «Христианство создало предпосылки для рождения научной картины мира – а потому оно не может быть враждебным по отношению к науке», – подытоживает рассмотрение причин и обстоятельств появления современной науки А. Кураев¹⁴⁶. Идеал рациональности не естественнонаучного, а гуманитарного типа оформился в схоластике Средневековья (богословские трактаты Блаженного Августина, IV–V вв., Фомы Аквинского, XIII в.) и развивался в рамках религиозной культурной парадигмы, господствовавшей вплоть до Нового времени. Как замечал А.Ф. Лосев, «Новое время отличается от средневекового не тем, что оно ставит на первый план знание вместо веры, а тем, что его знание и вера имеют другие объекты, чем средневековые знание и вера»¹⁴⁷. И сегодня большинство богословов и верующих ученых получают свое знание вполне рациональным способом, в ходе изучения темы с помощью общенаучных методов, а отнюдь не мистическим образом (непосредственно от Бога). Гуманитарная наука может быть и религиозной (теология, аскетическое богословие, христианская антропология и пр.). Атеистическая (материалистическая) картина мира (возникновение мира и человека через самозарождение и развитие) возникла и укрепилась только в XVII–XIX вв. Эволюционная концепция развития человека и культуры

¹⁴³ *Фиолетов Н.Н.* Очерки христианской апологетики. – М.: Братство во имя Всемилошного Спаса, 1992.

¹⁴⁴ *Зеньковский В.В.* Апологетика. – Париж, 1957.

¹⁴⁵ *Миронов В.В.* Философия и метаморфозы культуры. – М.: Современные тетради, 2005. – С. 13.

¹⁴⁶ *Андрей Кураев, диакон.* Конфликт или союз случаен в отношениях веры и науки? // Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Наука и религия. – М.: Троицкое слово, 2001. – С. 316.

¹⁴⁷ *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // <http://www.philosophy.ru/library/losef/dial_myth.html>.

утвердилась во второй половине XIX в. в трудах Ч. Дарвина, Т. Гексли, Г. Спенсера (создателя социального дарвинизма), Ф. Энгельса. Однако уже в конце этого же века американский этнолог Ф. Боас подверг эволюционизм обоснованной научной критике, и начался поворот к антиэволюционизму. Именно на этих позициях стояла американская антропологическая школа в первой половине XX в. С конца XIX в. подвергается сомнению и установка на то, что лишь рациональные принципы лежат в основе человеческой деятельности.

Современная концепция антропо- и культурогенеза далека от завершенности, «естественнонаучные исследования не привели к утверждению единого взгляда на происхождение человека»¹⁴⁸. П.С. Гуревич в пособии приводит разные версии; наиболее разработанной считается орудийно-трудовая концепция Ф. Энгельса: труд создал человека. Но ее положения, отмечает П.С. Гуревич, «...образуют замкнутый круг. Сознание рождается только как результат труда, но чтобы заняться деятельностью, нужно иметь нечто подобное интеллекту». Если труд – «специфически человеческий способ жизнедеятельности, то как он появился раньше человека?» Кроме того, по техническим умениям «человек долгое время <выглядит> ...безнадежным неудачником по сравнению с другими видами». Вывод ученого: «Орудия труда... не могут объяснить тайну превращения обезьяны в человека, чуда сознания, дара совести». Представлены и другие концепции: человек как «искатель смыслов» (раньше орудий труда появилась магия, американский культуролог Т. Роззак), психическая деятельность и совесть как дар, выделивший человека из царства животных (З. Фрейд), игра как предпосылка возникновения культуры (Г. Гадамер, И. Хейзинга), человек как творец символов, сформировавшийся из попытки уцелеть, подражая животным (Э. Кассирер). Сам П.С. Гуревич отдает предпочтение символической концепции¹⁴⁹.

Итак, вопросы происхождения человека, смысла жизни и истории остаются открытыми. Таковыми они, по-видимому, останутся всегда. Дело в том, что главные проблемы своего бытия – смысл жизни и смерти, временное и вечное, Правда и Истина – человек решает, исходя не из научных, а из иных предпосылок. Претензию «разрешения наукой сверхнаучных и вненаучных вопросов» С.Н. Булгаков назвал «злосчастливым порождением века рационализма»¹⁵⁰. Как пишет В.В. Миронов, мировоззренческая

¹⁴⁸ Культурология: Учебное пособие. – М.: МИРЭА, 2009. – С. 22.

¹⁴⁹ Гуревич П.С. Философия культуры. Пособие для студентов гуманитарных вузов. – М.: Аспект Пресс, 1994. – С. 80–100.

¹⁵⁰ Булгаков С.Н. Догматическое обоснование культуры // Булгаков С.Н. Сочинения в 2-х томах. – М.: Наука, 1993. – Т. 1. – С. 205.

установка на то, что научное знание есть наивысшая культурная ценность, с которой должны соизмерять свое содержание все иные формы духовного освоения бытия» есть сциентизм. Это – «абсолютизация рационального познания с одновременным принижением иных форм»¹⁵¹. Сегодня же, считает Ю.С. Осипов, «в отношениях религии и науки набирают силу процессы их явного сближения»¹⁵².

Как известно, на Руси серьезные, важные решения принимались на соборах, причем каждый соборянин обладал «правом вето». Исследователи этого феномена русской жизни пишут, что, поскольку несогласия разрешались путем свободного обсуждения, собор не мог быть успешным, пока общество не было готово к выработке единого, общего суждения. Сегодня мы очень далеки от единения, и все считаем себя соборянами, но находить достойное решение надо. Обсуждение проблемы изучения в светской школе религий, религиозной культуры с крайних мировоззренческих позиций, отмечает И.В. Метлик, бессмысленно и бесплодно. Он считает, что «...главное, – не оглядываться на запугивания и окрики людей, все еще живущих антирелигиозными идеями прошлого века,.. а просто профессионально, целеустремленно, спокойно, уважая законные интересы всех наших сограждан... работать над тем, чтобы после десятилетий исторического забвения наш народ вернул себе, нашим детям, новым поколениям свои духовные ценности, святыни, свою культуру. Без всего этого мы просто не имеем будущего...»¹⁵³.

* * *

¹⁵¹ Миронов В.В. *Философия и метаморфозы культуры*. – М.: Современные тетради, 2005. – С. 32–33, 42.

¹⁵² Соборные слушания «Вера и знание: наука и техника на рубеже столетий» (18–20 марта 1998 г., г. Москва) // Становление отношений Российского федерального ядерного центра ВНИИЭФ и Русской Православной Церкви. – Саров: РФЯЦ–ВНИИЭФ, 2008. – С. 180.

¹⁵³ Религиозная культура в светской школе. Сборник материалов. – М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2007. – С. 162.

Краснова И.А. Пруденциальный метод в государственном регулировании сферы страхования¹⁵⁴

Поскольку, как известно, страхование является одним из способов обеспечения страховой защиты имущественных и неимущественных (жизнь, здоровье и др.) интересов физических лиц, имущественных интересов юридических лиц, имеет высокую социальную значимость, так как, возмещая понесенные в результате негативных событий (страховой случай) убытки, поддерживает экономическую стабильность в любом обществе, а также учитывая, что с помощью страхования аккумулируются значительные денежные средства, являющиеся источником инвестиций, способным оказать заметное влияние на экономику, сфера страхования не может остаться вне пределов внимания со стороны государства.

Государство выступает в качестве элемента страховой системы, оказывающего серьезное влияние на ее состояние через: общую организацию системы и базовое регулирование, точечное (казуальное) регулирование и воздействие, стимулирование. И в этом смысле особый интерес представляют используемые сегодня и возможные в перспективе административно-правовые и финансово-правовые механизмы такого влияния, а также пределы их действия. Исследование таких механизмов необходимо для выработки и теоретического обоснования наиболее рациональной и обоснованной в современных условиях авторской концепции регулирования деятельности субъектов страхового дела на основе методологии внутреннего контроля и аудита.

Реализация государственных функций осуществляется, в том числе, через принятие правовых актов в области страхового дела, которые можно подразделить на следующие виды: правовые акты, обосновывающие общий надзор (тип 1), и правовые акты, обосновывающие пруденциальный надзор (тип 2).

Именно правовые акты, относящиеся ко второму типу, по нашему мнению, имеют особую важность, но, вместе с тем, малоэффективны в настоящее время (как с количественной, так и, особенно, с качественной точки зрения).

Пруденциальный надзор – это предварительный, «ранний» надзор, это новый формирующийся в настоящее время правовой

¹⁵⁴ **Краснова Ирина Анатольевна** – юрист, кандидат экономических наук, заместитель начальника Управления надзора и контроля Федеральной службы страхового надзора.

Статья посвящена особенностям пруденциального надзора в области страхования как эффективного механизма, основанного на пруденциальном методе регулирования.

Ключевые слова: страхование, страховой надзор, пруденциальный метод, превентивный метод.

институт государственного управления рисками субъектов предпринимательства (институт пруденциального регулирования, создающий одинаковый правовой режим деятельности для всех субъектов страхового дела).

И сегодня уже пруденциальный метод активно используется в банковском секторе, на финансовых рынках.

Так, Федеральная служба по финансовым рынкам (ФСФР) заявляла о намерениях ввести систему пруденциального надзора на российском финансовом рынке еще в 2007 году.¹⁵⁵

Этот метод постепенно входит и в практику деятельности Федеральной службы страхового надзора.

Для понимания сути понятия «пруденциальный метод регулирования» («пруденциальный метод») считаем необходимым привести несколько определений.

Пруденциальный (англ. prudential от лат. prudens – благоразумно, рассудительно) – разумный, осторожный, отказывающийся от риска.¹⁵⁶

В самом общем виде, под пруденциальным регулированием (prudential regulations) понимается разумное регулирование или, иначе говоря, защитное регулирование.

Пруденциальные нормы деятельности – установленные (применительно к России – Банком России): предельные величины рисков, принимаемых кредитными организациями; нормы по созданию резервов, обеспечивающих ликвидность кредитных организаций и покрытие возможных потерь; требования, невыполнение которых может отрицательно повлиять на финансовое положение кредитных организаций или на возможность реальной оценки их финансовой деятельности, включая требования по ведению бухгалтерского учета, представлению отчетности и при регистрации, лицензировании и расширении деятельности кредитных организаций.¹⁵⁷

Но главным характерным признаком пруденциального метода является его превентивность, нацеленность на раннее выявление критических финансовых и иных проблем игроков страхового рынка.

Поскольку существующая практика ежеквартальной и ежегодной отчетности, на основе полученных в ходе которых документов и данных государственный орган исполнительной власти, уполномоченный осуществлять надзор в сфере страхования, только и может определить такие критические проблемы, не позволяет выявлять эти проблемы своевременно, на ранних стадиях, когда

¹⁵⁵ ФСФР рассчитывает ввести систему пруденциального надзора на российском финансовом рынке в 2007 году // <<http://www.uralprofi.ru/info/important310106.php>>.

¹⁵⁶ <http://www.businessvoc.ru/bv/TermWin.asp?theme=&word_id=26499>.

¹⁵⁷ <http://www.businessvoc.ru/bv/TermWin.asp?theme=&word_id=25849>.

государство, исходя из выстраиваемых партнерских отношений со страховым бизнесом, ещё в состоянии оказать необходимую поддержку (или даже защиту) игрокам страхового бизнеса и, тем самым, защитить права и законные интересы страхователей, то эффективным может быть именно метод, основанный на превентивности.

Как отмечает И. Габидулин, традиционные методы, в т.ч. и закрепленные в нормативных документах, не всегда дают удовлетворительный результат, поскольку фиксируют уже происшедшее. Для ранней диагностики – и в этом принципиальное отличие – характерна регистрация потенциальной возможности осложнений. В силу этого все показатели, применяемые в ней, можно охарактеризовать как вероятностные. При выявлении первых признаков проблемности практически всегда существуют пути исправления ситуации. Поэтому разработка таких показателей, их мониторинг и составляют основу пруденциального надзора страхового рынка.¹⁵⁸

Можно дать следующее авторское определение.

Метод пруденциального регулирования – это метод правового регулирования, делающий акцент на превентивности, основанный на разумном щадящем подходе и использующий экономические и финансово-правовые ограничения, устанавливаемые уполномоченным государственным органом исполнительной власти применительно к организациям-страховщикам (или иным финансовым организациям) для обеспечения их финансовой устойчивости в целях защиты интересов потребителей финансовых услуг.

Пруденциальные нормы деятельности образуют систему, включающую в себя следующие элементы:

- установленные предельные величины рисков, принимаемых субъектами страхового дела;
- нормы по созданию резервов, обеспечивающих ликвидность субъектов страхового дела и покрытие возможных потерь;
- требования, невыполнение которых может отрицательно повлиять на финансовое положение субъекта страхового дела или на возможность реальной оценки их финансовой деятельности.

Пруденциальный метод, прежде всего, предполагает применение методологии внутреннего контроля и аудита с целью повышения эффективности правовых норм, обосновывающих пруденциальный надзор.

¹⁵⁸ Пруденциальный надзор. Интервью С. Соколовского с директором ООО «Страховой брокер «Дедал» И. Габидулиным // Банкир. – 2007. – № 3 (22). – С. 22–23.

Очевидно, что создание системы пруденциального надзора в страховом секторе потребует разработки дополнительных нормативов, уточненных требований к участникам страхового рынка, дополнительных требований к отчетности, представляемых ими.

Можно согласиться с И. Габидулиным, что введение в действие такого механизма требует времени и подготовки. Для того чтобы новшество стало эффективным инструментом, необходимо, прежде всего, понимание самого регулятора, осознание, что без него страховой рынок рискует потерять доверие клиентов и сорваться в финансовый штопор. Нужно подготовить специалистов, а это вопрос не одного дня. Кроме того, стоило бы вначале разработать специальное методическое пособие для страховых компаний. Но основная причина – рынок еще не созрел, хотя угрожающие признаки уже налицо: целый ряд компаний испытывают серьезные материальные трудности. Учитывая взаимозависимость страховщиков, это может вызвать принцип «домино». Не допустить этого и призвана система пруденциального надзора.¹⁵⁹

Трудностей будет много, но одно очевидно – за пруденциальным надзором будущее, его роль в государственном регулировании экономики будет возрастать по экспоненте.

¹⁵⁹ Пруденциальный надзор. Интервью С. Соколовского с директором ООО «Страховой брокер «Дедал» И. Габидулиным.

Хашем Т.А. Права человека на стадии предварительного расследования как объект прокурорского надзора¹⁶⁰

Права человека на стадии предварительного расследования как объект прокурорского надзора представляют собой совокупность политических, социально-экономических и некоторых личных конституционных прав и свобод человека и гражданина, закрепленных как в Основном законе, так и в иных российских нормативно-правовых актах. Данные права могут быть ограничены в интересах достижения объективной истины и не служить целям унижения человеческого достоинства и иных закрепленных законом на этой стадии процессуальных действий прав человека. Кроме того, как справедливо отмечает Л.Л. Беломестных, ограничение прав и свобод должно соответствовать принципам законности и соразмерности¹⁶¹. Об этом же говорит Ю.В. Францифоров, когда отмечает, что в ходе расследования «возможно применение только таких приемов и методов, которые отвечают конституционным принципам законности, а также нравственным критериям общества, то есть не ущемляют права граждан, не унижают их достоинства, исключают угрозу и насилие и не приводят к нарушению норм уголовно-процессуального права, даже если они помогают в расследовании преступлений, способствуя разрешению противоречий»¹⁶².

Таким образом, осуществляется соблюдение ч. 1 ст. 21 Конституции России, соблюдаются и нормы ст. ст. 6, 7, 8, 9, 10, 11 Уголовно-процессуального кодекса РФ. М.В. Парфенова, характеризуя и анализируя развитие норм уголовно-процессуального законодательства России, совершенно справедливо отмечает, что на сегодняшний день больше всего внимания законодатель уделяет именно правам, свободам и законным интересам участников уголовного судопроизводства, а также гарантиям реализации прав в деятельности правоохранительных органов¹⁶³.

¹⁶⁰ **Хашем Татьяна Анатольевна** – старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права РУДН.

Статья посвящена актуальным проблемам защиты прав личности на стадии предварительного расследования, задачам прокуратуры по надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: конституционные права, объект прокурорского надзора, уголовный процесс, законные интересы, процессуальный статус.

¹⁶¹ *Беломестных Л.Л.* Ограничение прав человека. – М., 2005. – С. 30, 36.

¹⁶² *Францифоров Ю.В.* Противоречия уголовного процесса. – М., 2006. – С. 113.

¹⁶³ *Парфенова М.В.* Охрана конституционных прав подозреваемого и обвиняемого в досудебных стадиях уголовного процесса России. – М., 2004. – С. 82.

Задача прокуратуры применительно к рассматриваемой теме – осуществлять надзор за соблюдением прав человека при расследовании уголовных дел. Это очень важный момент в надзоре за деятельностью следователя в плане соблюдения прав и свобод участников уголовного судопроизводства, ведь ни для кого не секрет, что следователи в российском уголовном процессе – лица зависимые, осуществляющие свои обязанности в органах, где «субординация, подчинение нижестоящих вышестоящим, обязательность указаний руководства считаются явлением вполне нормальным, естественным, даже обязательным и неизбежным»¹⁶⁴. К тому же, как указывает Л.М. Володина, «практика свидетельствует о том, что в ходе производства предварительного расследования имеют место незаконные методы ведения следствия и дознания»¹⁶⁵. В такой ситуации несложно понять, что зачастую права и свободы участников уголовного процесса нарушаются из-за стремления заинтересованных должностных лиц повысить показатели работы следственных подразделений, поднятия уровня раскрываемости и направления уголовных дел в суд. Кроме того, необходимо учитывать тот важный момент, что соблюдение прав и законных интересов граждан зависит и от реальной раскрываемости преступлений.

Так, обратившись к статистическим данным, видим, что за 2004 год в России из 2 млн. 876 тыс. совершенных преступлений остались нераскрытыми 1 млн. 264 тыс.¹⁶⁶ Это означает, что за указанный период более 1 млн. потерпевших от преступлений не добились восстановления нарушенных прав, такое же (и большее!) количество преступников не привлечены к ответственности за совершенные деяния, а закон, действующий в отношении данных лиц, так и остался только на бумаге. Подтверждается высказывание д.ю.н., проф. В.А. Номоконова о том, что «для современной России тема прав человека и их защиты является одной из самых острых»¹⁶⁷. В погоне за высокими показателями раскрываемости преступлений, направления уголовных дел на судебное рассмотрение, а зачастую за повышением в звании, в должности и улучшением материального положения, некоторые должностные лица напрочь забывают о том, что в результате их действий в процессе расследования уголовных

¹⁶⁴ *Гуценко К.Ф., Ковалев М.А.* Правоохранительные органы. Учебник для юридических вузов и факультетов / Под ред. К.Ф. Гуценко. – Изд. 7-е, перераб. и доп. – М., 2002. – С. 51.

¹⁶⁵ *Володина Л.М.* Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. – М., 2006. – С. 129.

¹⁶⁶ См. Российская газета. – 2005, 25 января, 17 февраля.

¹⁶⁷ *Номоконов В.А.* Права человека и национальная безопасность // Гарантии прав человека в России: проблемы и решения: материалы международной научно-практической конференции «Социально правовые аспекты защиты прав человека в Российской Федерации». – Владивосток, 2008. – С. 13.

дел нарушаются конституционные права и свободы участников уголовного судопроизводства. В результате таких процессов «в стране происходили и происходят серьезные, порой широкомасштабные нарушения гражданских, политических и экономических прав и свобод человека, создающие социальную напряженность в обществе, питающие антидемократические настроения, порождающие внешнеполитические проблемы»¹⁶⁸. Здесь следует отметить, что по данным экспертов Совета Европы «в органах прокуратуры разрешено за год около 1 млн. жалоб граждан, 210 тыс. из них связаны с восстановлением нарушенных прав...»¹⁶⁹.

Автор, опираясь на указанные цифры, считает, что прокурорские работники могли бы повысить результаты работы по восстановлению нарушенных прав человека, если бы законодательство расширило их полномочия именно в этом плане. Учитывая существующее положение прокуратуры в наши дни, когда на прокурорских работников возлагается огромное количество обязанностей по соблюдению и защите прав человека, надзору за деятельностью различных органов, вышеуказанные статистические данные говорят об объемной и напряженной работе прокуратуры.

Но ещё более серьезные нарушения прав и свобод человека происходят в связи с осуществлением мер принуждения. Так, статьи 91 и 92 УПК РФ посвящены основаниям и порядку задержания лица, подозреваемого в совершении преступления. В ходе предварительного расследования следователь (дознатель) составляет протокол задержания подозреваемого. Данный документ является официальным актом задержания лица. Но на практике дело в большинстве случаев обстоит следующим образом: лицо, совершившее преступление, обычно задерживается сотрудниками оперативного отдела, после этого опрашивается ими по обстоятельствам совершенного преступления. Если дело не возбуждено, следователем (дознателем) принимаются меры к его возбуждению, если подозреваемый задержан в другом городе, он перевозится по месту производства расследования. Таким образом, с момента фактического задержания подозреваемого проходит определенное количество времени. А время задержания официально начинает отсчитываться со времени, указанного в протоколе задержания. Получается, что подозреваемый фактически задержан ранее, чем это указано в протоколе, следовательно, срок его

¹⁶⁸ Плешаков А.П. Становление гражданского общества в России и права человека // Проблемы защиты прав и свобод личности в правоприменительной деятельности: Материалы научно-методологического семинара. – Саратов, 2007. – С. 8.

¹⁶⁹ Прокурорский надзор: Уч. для вузов / Под ред. заслуж. юриста РФ, д.ю.н., проф. А.Я. Сухарева. – М., 2003. – С. 447.

задержания составит более чем 48 часов, как это предписывается Конституцией РФ и нормами Уголовно-процессуального кодекса. Налицо нарушение конституционных прав человека, а именно ч. 2 ст. 22 Конституции РФ. По этому поводу О.В. Волколуп и Ю.Б. Чупилкин отмечают, что «для соблюдения прав личности первостепенное значение имеет законность и обоснованность избрания, изменения и отмены мер принуждения»¹⁷⁰.

Что касается своевременного реагирования на нарушения прав и свобод граждан со стороны правоохранительных органов, можно обратиться к статистическим данным за 1996 год: по сведениям ИЦ ГУВД Краснодарского края «63,9% всех заявлений и сообщений о преступлениях (всего 57539) рассматривались в срок свыше трех суток, хотя по большинству изученных материалов решение могло бы быть принято незамедлительно»¹⁷¹.

Здесь необходимо уточнить, что в уголовном процессе России, в отличие от законодательства иных государств, в том числе Западной Европы, возбуждение уголовного дела имеет огромное значение, ведь проведение большинства следственных действий возможно только после возбуждения дела, а не в рамках доследственной проверки. Лицо, проводящее проверку по поступившему сообщению, практически связано по рукам и ногам, так как действующее законодательство не предоставляет достаточного объема полномочий на стадии возбуждения уголовного дела. В случае, когда лицо, проводящее проверку, выполняет необходимые действия до возбуждения уголовного дела свыше трех суток, нарушаются права заявителя, так как утрачивается быстрота, своевременность реагирования на совершенное преступление. Приведенные выше статистические данные отражают жестокую реальность и дают основания полагать, что с соблюдением прав человека в России дело обстоит не самым лучшим образом и требуются значительные усилия для изменения сложившейся ситуации. Таким образом, в какой-то степени подтверждается высказывание докт. социол. наук А.П. Плешакова о том, что «заявленная ориентация государства на личность и защиту её прав и свобод осуществлена пока в основном в теории и официальных документах»¹⁷².

¹⁷⁰ *Ткачева Н.В.* Процессуальные гарантии применения мер уголовно-процессуального принуждения // Обеспечение прав человека и гражданина: Сборник статей по итогам международной научно-практической конференции. Часть 4. – Тюмень, 2006. – С. 90.

¹⁷¹ *Карлеба В.А., Сирица И.В.* Возбуждение уголовного дела. – Краснодар, 2000. – С. 41.

¹⁷² *Плешаков А.П.* Становление гражданского общества в России и права человека. – С. 7.

Вообще, касаясь вопроса возбуждения уголовного дела, необходимо отметить, что это один из самых важных этапов уголовного процесса России, сохранение которого, по мнению А.Я. Сухарева, соответствует российскому традиционному смешанному процессу¹⁷³. Достаточно сказать о том, что именно с этого момента лица, вовлеченные в круг уголовного судопроизводства, приобретают процессуальный статус участников, следовательно, законодательство наделяет их определенными процессуальными правами, которые «необходимы участникам уголовного судопроизводства для защиты своих прав, нарушенных преступлением»¹⁷⁴.

В.М. Корнуков, В.А. Лазарев и В.Д. Холоденко по поводу постановления о возбуждении уголовного дела указывают, что оно «служит официальным подтверждением того, что государство в лице уполномоченных органов отреагировало на поступившее заявление или сообщение о преступлении и принимает меры к осуществлению уголовного преследования совершившего его лица»¹⁷⁵.

Однако автор хотел бы уточнить, что далеко не все уголовные дела, возбужденные по факту совершения преступления, а также те дела, которые возбуждены в отношении конкретного лица, достигают судебной стадии. Более того, не всегда подозреваемый приобретает статус обвиняемого. В связи с этим автор не может полностью согласиться с высказыванием вышеуказанных авторов о том, что «возбуждение уголовного дела служит отправной точкой обеспечения процесса привлечения к уголовной ответственности»¹⁷⁶. Возбуждение уголовного дела – факт признания правоохранительным органом наличия совершенного действия (бездействия), противоречащего закону, наличия потерпевшего и его нарушенных конституционных прав и свобод, законных интересов.

На сегодняшний день органы государственной власти, в частности Генеральная Прокуратура РФ, а также подчиненные ей прокуратуры, ставят перед собой цель, которую в советское время М.А. Ковалев определил следующим образом: «как обеспечивать борьбу с преступностью, так и охранять права граждан, гарантировать их от незаконного привлечения к уголовной ответственности»¹⁷⁷. И хотя в настоящее время, в связи с внесением значительных изменений в уголовно-процессуальное законодательство России,

¹⁷³ Прокурорский надзор: Уч. для вузов. – С. 273.

¹⁷⁴ Волколуп О.В., Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства: Учебное пособие. – Краснодар, 2004. – С. 6.

¹⁷⁵ Корнуков В.М., Лазарев В.А., Холоденко В.Д. Возбуждение уголовного дела в системе уголовно-процессуальной деятельности. – Саратов, 2002. – С. 10.

¹⁷⁶ Там же. – С. 27.

¹⁷⁷ Ковалев М.А. Прокурорский надзор за обеспечением прав личности при расследовании преступлений. – М., 1981. – С. 4.

роль надзора со стороны прокуратуры на этапе предварительного следствия уменьшилась, все же именно в органы прокуратуры поступают жалобы о нарушении прав человека во время предварительного расследования. Что касается вопроса о реорганизации прокуратуры в последнее время, то, как справедливо заметил А.Я. Сухарев, «прокуратура в последние годы переживает беспокойные, непредсказуемые времена»¹⁷⁸.

Кроме того, в последнее время все чаще высказывается мысль о проведении судебной реформы, в ходе которой предлагается, по словам заместителя председателя Ленинградского областного суда Л.И. Суханкиной, «в качестве одной из главных задач... назвать защиту и непереносимое соблюдение основных прав и свобод человека, конституционных прав граждан в судопроизводстве»¹⁷⁹. Нельзя не отметить то, что «защита прав личности при производстве по уголовному делу возведена Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации в ранг назначения (конечной цели) уголовного процесса»¹⁸⁰.

Однако, что касается защищенности человека со стороны органов государственной власти, уполномоченных законом гарантировать права и свободы человека, то автор соглашается с позицией Л.М. Володиной, которая справедливо полагает, что «закрепив в Конституции Российской Федерации общие положения Всеобщей декларации, Пакта о гражданских и политических правах о праве на справедливое публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судьей, российский законодатель в ходе реформирования судебно-правовой системы пока так и не сумел создать эффективного механизма защиты прав человека»¹⁸¹. Автор выражает надежду на исправление сложившейся ситуации и связывает это, прежде всего, с созданием и развитием института Уполномоченного по правам человека.

¹⁷⁸ Прокурорский надзор: Уч. для вузов. – С. 443.

¹⁷⁹ Суханкина Л.И. Вопросы обеспечения прав человека при содержании под стражей на досудебной и судебной стадиях производства по уголовным делам // Обеспечение прав человека и гражданина в гражданском и уголовном судопроизводстве. Материалы научно-практической конференции. – СПб., 2006. – С. 42.

¹⁸⁰ Кудин Ф.М. Содержание прав личности, подлежащих защите в соответствии со ст. 6 УПК РФ // Обеспечение прав человека и гражданина. Сборник статей по итогам международной научно-практической конференции. Часть 4. – Тюмень, 2006. – С. 22.

¹⁸¹ Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. – М., 2006. – С. 244.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что права подозреваемого, как подлежащие ограничению, так и фундаментальные, не подлежащие ограничению, являются предметом прокурорского надзора на всех стадиях расследования, особенно – на стадии предварительного досудебного расследования, поскольку вина подозреваемого (обвиняемого) с точки зрения закона на этом этапе является наименее доказанной.

Сведения об авторах номера

Берзин Владимир Александрович – федеральный судья, и.о. председателя Красногорского городского суда Московской области, кандидат юридических наук, докторант кафедры конституционного и муниципального права Российского университета Дружбы Народов. Конт. адрес эл. почты: уроims1@mail.ru.

Догадайло Екатерина Юрьевна – кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой государственного строительства и права Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент. Конт. адрес эл. почты: dogadailo@ur.rags.ru.

Краснова Ирина Анатольевна – юрист, кандидат экономических наук, заместитель начальника Управления надзора и контроля Федеральной службы страхового надзора. Конт. адрес эл. почты: ikrasnova@fssn.ru.

Кулиев Мамед-Паша Руфатович – профессор кафедры национальной безопасности Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор. Конт. адрес эл. почты: i@lenta.ru.

Мелехова Галина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного института радиотехники, электроники и автоматики (технического университета). Конт. адрес эл. почты: gmelehova@yandex.ru.

Понкин Игорь Владиславович – заместитель председателя Комиссии по защите прав ребенка и других участников образовательного процесса Общественной палаты по образованию в городе Москве. Конт. адрес эл. почты: i@lenta.ru.

Слесарева Кристина Андреевна – аспирант Российской академии правосудия. Конт. адрес эл. почты: k_slesareva@mail.ru.

Соловьев Андрей Александрович – кандидат юридических наук, федеральный судья, мастер спорта России, член Комиссии по спортивному праву Ассоциации юристов России. Конт. адрес эл. почты: sportlaw2014@rambler.ru.

Субочева Виолина Александровна – аспирант Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Конт. адрес эл. почты: sybotcheva@ur.rags.ru.

Хашем Татьяна Анатольевна – старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Российского университета Дружбы Народов. Конт. адрес эл. почты: f111l@mail.ru.

*«Нравственные
императивы в праве»*

**2009
№ 4 (6)**

Научный юридический журнал

Подписано в печать **05.10.2009**.
Формат 60x90/16
Гарнитура «Arial». Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. .

Тираж 200 экз. Заказ №
Отпечатано в ООО «Ваш полиграфический партнер»
г. Москва, Ильменский проезд, д. 1